

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

ПИТЕР УОТТС

18+

РЕВОЛЮЦИЯ
В СТОП-КАДРАХ

Звезды научной фантастики

Питер Уоттс

Революция в стоп-кадрах

«Издательство АСТ»

2009, 2014, 2018

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)

Уоттс П.

Революция в стоп-кадрах / П. Уоттс — «Издательство АСТ»,
2009, 2014, 2018 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-111842-6

Их отправили в космос, чтобы они проложили путь во Вселенную для человеческой цивилизации. Их создали специально, чтобы они могли выжить вдали от людей, на «Эриофоре», космическом корабле размером с целый астероид, который находится под управлением искусственного интеллекта. Они верили в миссию всем своим сердцем. Это было шестьдесят миллионов лет назад. Теперь же с Земли не поступает сигналов, из межпространственных врат, что создает команда, появляются лишь странные артефакты, а порой настоящие чудовища, и ничто не может подготовить строителей к чужому разуму, который ждет их в глубинах космоса. Вдобавок самый страшный враг уже давно живет на их корабле. Только как сражаться, если бодрствуешь лишь один день из миллиона? Как спланировать заговор, если крохотная горстка потенциальных союзников меняется с каждой сменой? Как победить того, кто никогда не спит, кто видит твоими глазами, слышит твоими ушами и всегда, неумолимо, искренне желает тебе лишь добра? В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-17-111842-6

© Уоттс П., 2009, 2014, 2018

© Издательство АСТ, 2009, 2014, 2018

Содержание

Отчаянная	8
Революция в стоп-кадрах	23
Случайные демоны	24
Срыв	33
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Питер Уоттс

Революция в стоп-кадрах

Peter Watts
HOTSHOT
THE FREEZE-FRAME REVOLUTION
GIANTS
ISLAND

Copyright © 2018 by Peter Watts
© Николай Кудрявцев, перевод, 2021
© Владислав Женовский, перевод, 2016
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2021
“Grav Profile” © 2018 by Peter Watts
© ООО «Издательство АСТ», 2021

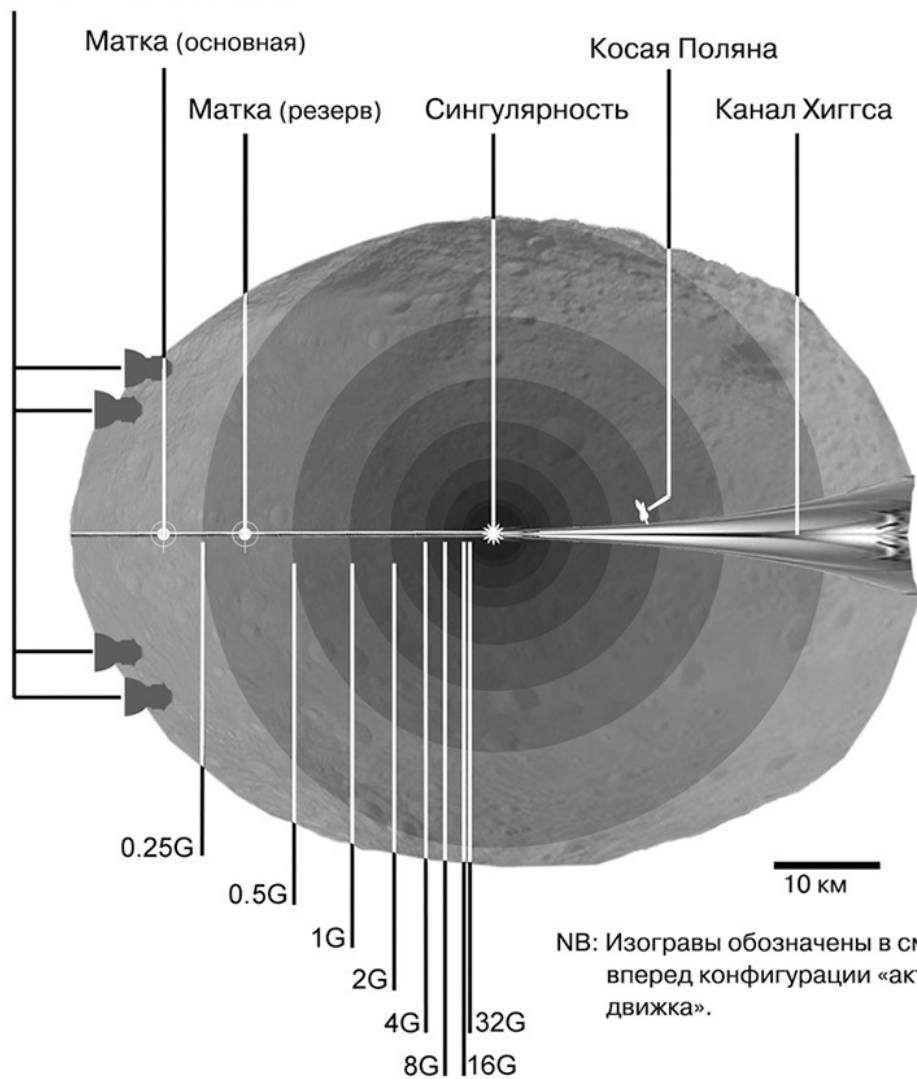
* * *

Администрация Диаспоры Объединенных Наций

Эриофора

Гравпрофиль

Ньютоновские
ракетные двигатели
(списаны после запуска)

Отчаянная

«Пойми: ты сама должна сделать выбор».

Они постоянно говорили, что я могу уйти. Говорили, когда тянули астероиды за Марс; и снова, когда зарылись в камни, как стальные термиты, бурили там пещеры и туннели, создавали леса, трюмы и системы жизнеобеспечения, рассчитанные на срок эксплуатации больше, чем у Солнца. Особенно не унимались после фиаско с L4, когда во время тестирования сингулярность сорвалась с цепи. Никто даже не заикался об отмене проекта – хотя магия, на которой он зиждился, только что съела половину фабричного уровня вместе с четвертью пропульсивной группы – но в результате трагедии АДОН, кажется, решила, что напомнить нам о выходе будет особенно важно.

«Это твоё решение. Никто не примет его за тебя».

Я смеялась им в лицо, как только достаточно выросла и поняла всю иронию. Нас тренировали и корректировали для миссии еще до нашего рождения: моих родителей растили так же тщательно, как и меня. За тридцать лет до зачатия я была обречена на путешествие к звездам. Я хотела отправиться в путь, я была так сконструирована; и никакого другого способа жить не знала.

И тем не менее. Мы же цивилизованное общество, разве нет? У нас не забривают людей против их воли, пусть саму концепцию «воли» уже лет сто как считают смехотворной. Мне дают столько возможностей уйти, так как потом отказаться не получится, а полет будет настолько долгим, что времени на сожаления хватит преизрядно. Как только «Эриофора» отправится в путь, дороги назад не будет.

Так что только я могу принять это решение. Только так они будут ни в чем не виноваты.

Восемнадцать лет муштры, оболванивания и сопротивления, почти два десятилетия я то принимала свою участь, то боролась с ней, и все же, полагаю, они не ожидали такого ответа, когда в последний раз открыли этот нужный всем аварийный люк.

«Ты точно уверена?»

– Дайте мне пару месяцев, – сказала я. – Я вам сообщу.

Может, нас и сконструировали для звезд. Сконструировали веселиться в одиночестве, а все плейстоценовые социальные схемы укротили, подрезали и просеяли до основания. Мы родились из племени, но были созданы покинуть его, даже не оглянувшись напоследок. По проекту я могу скучать лишь по горстке людей, а их всех отправят со мной, в глубокий космос.

А вот по Солнечной системе я буду путешествовать одна. Этот полет мне придется совершить в одиночестве. Всего-то небольшой транзит, мгновение ока по сравнению с путешествием, маячащим на горизонте. И все равно по какой-то причине мне хочется попрощаться.

Я едва успеваю на уходящий шаттл. Все верчу в голове возможные сценарии: что я скажу, что – он, какой контраргумент лучше всего выбрать в ответ на его доводы, – а расстояние уменьшается, Луна сжимается за кормой, а прямо впереди расширяется розетта, словно передо мной жонглирует сам Господь Бог. Горы в космосе. Иззубренные крохотные мирки из никеля, железа и кровотокающего базальта, детали поверхности то появляются, то исчезают, пока планетки неторопливо вращаются с массивной торжественностью: посадочные площадки и стыковочные шлюзы; двигатели размером с города, созданные лишь ради нескольких часов раскаленной добела тяги; огромная беззубая пасть перед каждым кораблем, глотка, способная проглотить робкие сингулярности, которые и будут вести нас вперед, когда реактивные движки остынут и умрут.

По левому борту проплывает «Крестовик», его отвесный утес так близко, что, кажется, можно потрогать. По правому – «Мастофора». «Эриофора» не проплывает: она растет прямо передо мной, ее скалистое серое лицо затмевает звезды.

Мы пристыковываемся.

Яспрашиваю Шимпа, где находится Кай: машина кидает прозрачную карту по местному линку и зажигает искорку в лесах. Кай сидит там, как тень в сумерках, чуть ли не парит в слабой гравитации, его озаряет лишь тусклая галактика в синем смещении, галактика биолюминесцентной растительной жизни.

Когда я приближаюсь, он кивает, но не поворачивается.

– Продуктивность на шестьдесят процентов. Если надо, можем отчаливать прямо сейчас. Кислород не кончится.

– Людям нужен не только воздух, – напоминаю я ему.

Он не спорит, хотя понимает, к чему я клоню.

Какое-то время мы сидим молча, задумавшись посреди леса из ветвящихся скелетных рук, тонких и хилых пальцев, увесистых бурдюков, мерцающих чахлым светом от симбиотических бактерий. Я с семи лет могла отбарабанить все цифры об объемах, люменах и интенсивности метаболизма, но где-то глубоко в подкорке по-прежнему отказываюсь верить, что эта тусклая подземная система сможет продержаться нас хотя бы неделю, не говоря уж о путешествии до конца времен. Фотосинтез под звездным светом. Только и всего. Тут же и муравью не хватит.

Правда, муравьи свой кислород в запас не списывают. Хватит и звездного света, если за тысячу лет дышишь только одну неделю.

– Ну что, – говорит Кай. – Решила повеселиться на Солнце?

– О да.

– Три месяца. Сто пятьдесят миллионов километров. И все ради дешевого фокуса.

– Два максимум. В зависимости от цикла. И дело не в фокусах, ты и сам прекрасно об этом знаешь.

Он качает головой:

– Что ты пытаешься доказать, Сандей?

– Что они правы. Что я могу уйти, если захочу.

– Ты пытаешься это доказать всю свою жизнь. Ты могла уйти уже миллионы раз. Но факт в том, что ты не хочешь.

– Дело не в том, чего я хочу. А в том, что случится, если откажусь.

И тут я понимаю. «Ты боишься, что моя безумная затея сработает. Боишься, что сейчас у меня все получится».

Его силуэт движется рядом со мной. Свет от ближайшего фотофора падает Каю на скулу.

– Иногда тела начинают... просто действовать, ну, сама понимаешь. А люди внутри даже не могут сказать почему. Говорят, в них словно кто-то вселился. Синдром чужого тела, – он тихо фыркает. – Свобода воли, как же. Скорее ровно наоборот.

– Это не ТКМС¹. Это...

– Ты заходишь с одной стороны, нечто иное выходит с другой, но что это доказывает? Если, конечно, хоть что-то выйдет, – Кай решил увеличить количество сценариев. – Если предположить, что корабль не взорвется.

– Да ладно тебе. Как, по-твоему, они бы удержались на плаву, если бы отправляли людей на самоубийство?

¹ Транскраниальная магнитная стимуляция. – Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.

– А они еще не так долго на плаву. Мы им когда движок продали, шесть лет назад? И они, наверное, год возились, крутили-вертели, заставляли его работать так, как не было предусмотрено...

Я говорю:

– Вот именно поэтому я и лечу туда.

Он только смотрит на меня.

– Откуда ты вообще знаешь об этом? Я же тебе никогда не говорила о том, что у меня на уме. Может, упоминала раз или два, что мне любопытно, когда они еще только купили прототип. И теперь я прилетаю сюда, а у тебя уже все доводы наготове. И хуже того, я знала, что ты так сделаешь, – я качаю головой. – Тебя не тревожит, что ты настолько предсказуемый?

– В общем, ты взболтаешь себе мозги, на какое-то время станешь настоящей криптограммой, и что это тебе даст? Если перетасовать колоду карт, они обретут свободу воли? Ты так считаешь? – Кай качает головой. – В эту хрень никто не верит уже сотню лет. Пока кто-нибудь не найдет нейрон, который включается сам по себе, мы все просто... будем реагировать и ничего больше.

– Значит, такое у тебя решение? Мы все детерминистские системы, и потому пусть начальство дергает нас за ниточки?

Он пожимает плечами:

– У начальства тоже есть ниточки.

– Но даже если я всего лишь перетасую колоду, что плохого побыть непредсказуемой в кои-то веки?

– Ничего. Я просто считаю, что не стоит принимать самое важное решение в своей жизни, бросив кости.

«Мне страшно, Кай, – вот что я хочу сказать. – Меня пугает одна мысль о жизни, нарезанной на такие тонкие полоски. И с каждой новой полоской мы будем на световые года отдаляться от дома и на целые столетия приближаться к тепловой смерти. И я хочу этого. Хочу так же, как и ты, но полет пугает меня, а еще больше пугает то, что я чувствую страх. Разве меня не сконструировали быть выше этого? Разве у меня не должно быть иммунитета к сомнению? Где еще они напортачили?»

– Считаю это, – я тоже пожимаю плечами, – не знаю, пунктом из контрольной проверки перед полетом. Где-то между «синхронизировать поле смещения» и «упаковать зубную щетку». Чистая рутина. Что может пойти не так?

Даже по силуэту Кая видно, как он поморщился.

– Если не считать, что ты испаришься, упав на Солнце? Или в этом...

«...весь смысл?» Он не договаривает, но по неожиданному наклону головы я понимаю, что Кай смотрит на мои запястья. Думает, не решила ли я таким сложным способом смотать удочки, попытаться снова, уже без посторонних...

– Ты же не настолько глупый, – я наклоняюсь, целую его в щеку, а он не отодвигается. Уже прогресс. – Солнце погибнет задолго до того, как мы умрем. Мы переживем всю эту треклятую галактику.

АДМИНИСТРАЦИЯ ДИАСПОРЫ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ОТДЕЛ ПСИХОЛОГИИ ЭКИПАЖА

ЗАПИСЬ ИНТЕРВЬЮ ПОСЛЕ ИНЦИДЕНТА

КОД ИНТ.: ЕС01-2113:03:24-1043

СУТЬ ИНЦИДЕНТА: враждебное физическое столкновение

СУБЪЕКТ: С. Азмундин, кор. «Эриофора», Ж, возраст: 7 (хрон), 13
(разв)

ИНТЕРВЬЮЕР: М. Савада, ОПЭ

НАБЛ/БИОТЕЛ: YZZ-284-C04

ПСИХОКОММЕНТАРИЙ: YZZ-284-D11

М. Савада: Две трещины в ребрах и сломанный нос. Если не говорить о подбитом глазе.

С. Азмундин: Не ожидали, да? Думали, что предусмотрели все на ближайшие десять миллионов лет, а не можете предсказать, как поведет себя ребенок через пять минут.

МС: Почему вы напали на Кая, Сандей?

СА: Что, не можете прочесть мои мысли?

МС: Он чем-то вас разозлил?

СА: Так что, выгоните меня?

МС: Сандей, вы этого хотите? Вы поэтому продолжаете так себя вести, провоцируете нас, хотите, чтобы мы вас исключили? Вы знаете, что можете уйти, если вам тут плохо. Вас никто не держит против вашей воли. Я знаю, что ваши родители будут счастливы увидеть вас снова. Удивлены, но... счастливы.

СА: Я не похожа на Кая. Я ни на кого из них не похожа.

МС: Это очевидно.

СА: Он такой, как все вы. Делает то, что ему говорят; ничего не спрашивает, если вы не хотите. А вам больше ничего не надо. Вам нужна кучка счастливых тупых роботов, которые будут строить милые тупые мосты всю свою жизнь, такую же счастливую и тупую. И я даже не понимаю, зачем мы вам нужны.

МС: Вы знаете зачем.

СА: Мы – запаска. Нас даже будить не будут, если только корабль не наткнется на что-нибудь непонятное и не сможет с ним справиться. Если ничего не случится, мы так и не очнемся.

МС: Случится. В таком долгом путешествии...

СА: А что если нет? Да и зачем мы вам в принципе нужны, почему не сделать машины такими же умными, как мы – или еще умнее, – а нас вывести за скобки?

ТИШИНА: 3 СЕК.

МС: Все не так просто. Машину побыстрее, это нормально. Побольше – нет проблем. Умнее, вот тут... Дело в том, что мы не можем предсказать со стопроцентной уверенностью, как будет действовать человек, хотя нам известны все переменные. А если построить нечто умнее человека, можно с уверенностью сказать, что оно взбунтуется и станет действовать по-своему, как только мы это запустим. И мы понятия не имеем, как оно поступит.

СА: Но люди тоже могут взбунтоваться и действовать по-своему.

МС: Люди более... стабильны. У нас есть биологические нужды, инстинкты возрастом в миллионы лет. Но...

СА: Ты хочешь сказать, что нас легче контролировать. А машину нельзя уморить голодом, чтобы она вела...

МС: Но да, Сандей, люди могут взбунтоваться и поступать по-своему. В этом весь смысл. И вот почему нам не нужна кучка счастливых тупых роботов, как вы выразились. Мы хотим, чтобы вы проявляли инициативу. Именно поэтому мы снисходительно относимся, когда кто-нибудь из вас проявляет не ту инициативу. Но только до определенного предела. Поэтому следите за собой, юная леди.

ТИШИНА: 5 СЕК.

СА: Это все?

МС: А должно быть что-то еще?

СА: Вы не станете наказывать меня? За Кая?

МС: Думаю, вы должны извиниться перед ним, если на то пошло. И это должно быть ваше решение. Но вы и Кай – да и каждая спора в программе – все вы должны сами вырабатывать динамику общения со своими товарищами по кораблю. Через пятьдесят тысяч лет мы не сможем вас наказывать.

ТИШИНА: 2 СЕК.

МС: Я бы так хотел увидеть, как ваши социальные системы эволюционируют со временем. Я бы так многое отдал, чтобы отправиться с вами.

СА: Вы... вы знали. Вы точно все знали.

МС: О чем?

СА: Что я изобью Кая. Вы хотели, чтобы я это сделала!

МС: Почему вы так говорите, Сандей? Зачем нам хотеть, чтобы вы напали на своего товарища?

СА: Понятия не имею. Может, он был плохим, и я была его наказанием. Может, вы захотели посмотреть, как наши «социальные системы эволюционируют со временем». А может, вам просто нравится, когда мы деремся.

МС: Уверяю вас, Сандей, никому из нас не нравится, когда...

СА: А может, вы даже не знаете, зачем вам это нужно. Вы же не такие, как мы, да? Мы легкие в обращении, вы нас так сконструировали. Вот почему вы знаете, как мы поступим. Но кто сконструировал вас? Никто. Вы случайны.

ТИШИНА: 3 СЕК.

СА: Вы свободны.

ПРОЧТИТЕ ВНИМАТЕЛЬНО

ВЫ СОБИРАЕТЕСЬ ОТПРАВИТЬСЯ В ПУТЕШЕСТВИЕ, И ОНО ПРИВЕДЕТ ВАС К КОГНИТИВНОЙ АВТОНОМНОСТИ, КОТОРУЮ ВЫ НЕ ИСПЫТЫВАЛИ НИКОГДА ПРЕЖДЕ. ХОТЯ НЕКОТОРЫЕ КЛИЕНТЫ ОПИСЫВАЮТ СВОИ ПОГРУЖЕНИЯ В СОЛНЦЕ КАК

«ЭКСТАТИЧЕСКИЕ», «РЕЛИГИОЗНЫЕ» И «ПРИНОСЯЩИЕ ГЛУБОКОЕ МОРАЛЬНОЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ», КОРПОРАЦИЯ «ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОЗРЕНИЕ» НЕ ГАРАНТИРУЕТ ВАМ ПРИЯТНОГО ОПЫТА. МЫ ПРИНИМАЕМ НА СЕБЯ ЛИШЬ ОДНО ОБЯЗАТЕЛЬСТВО: ОБЕСПЕЧИТЬ ВАШ КОНТАКТ С ФИЗИЧЕСКИМ ОКРУЖЕНИЕМ, ПОЗВОЛЯЮЩИМ ВАМ ОСОЗНАТЬ СОБСТВЕННЫЙ МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ТАК, КАК ВЫ НИКОГДА НЕ МОГЛИ. МЫ НЕ НЕСЕМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОДЕРЖАНИЕ ВАШИХ МЫСЛЕЙ ИЛИ ЗА ПОТЕНЦИАЛЬНУЮ ТРАВМУ, НАНЕСЕННУЮ ИХ ПОЯВЛЕНИЕМ. ЗАКЛЮЧАЯ ДАННЫЙ КОНТРАКТ, ВЫ НЕДВУСМЫСЛЕННО И ОДНОЗНАЧНО ОСВОБОЖДАЕТЕ КОРПОРАЦИЮ «ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОЗРЕНИЕ», А ТАКЖЕ ВСЕХ ЕЕ ПОСРЕДНИКОВ И ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ, ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЛЮБОЕ НЕГАТИВНОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ, КОТОРОЕ МОЖЕТ ВОЗНИКНУТЬ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПОЛУЧЕННОГО ОПЫТА.

Базовый лагерь похож на картошку, обернутую в фольгу, ее длина – примерно девятьсот метров, она висит неподвижно, запекаясь в точке Лагранжа внутри зоны Меркурия. По крайней мере, именно там она болтается, когда мы приближаемся для стыковки; мы едва успеваем взойти на борт, когда лагерь, вращаясь, отправляется к Солнцу, словно водолазный колокол, обреченный на гибель.

Они используют один из наших старых прототипов, смещающий двигатель с эксаграммовой квантово-петлевой дырой в сердце. Он не просто размазывает центр масс лагеря по внутренней червоточине; нет, один конец он оставляет позади точки Лагранжа, подвешивает массу Меркурия, как камень на струне. Трудно даже представить, сколько нужно энергии, чтобы стабилизировать такой тип затухания – но в наше лицо дышит Солнце, и тот же самый метаматериал, благодаря которому из картошки получается идеальный отражатель, может столь же легко превратиться в идеально черное тело, если команде понадобится топливо для производства антиматерии.

Нормальный способ рассовать старую технику по новым сосудам. Мы бы и сами выкинули такой трюк, если бы, конечно, смогли потащить за собой Солнце и какую-нибудь планетку.

Экскурсовод – долговязый филиппинец, он представился как Чито – встречает нас в воздушном шлюзе.

– Прежде чем мы отправимся дальше, давайте проверим загрузки; все уже получили архив с ориентировкой?

Я пингую файлы, их нам загрузили прямо в голову, пока мы спали, летя по внутренней системе: нейрофилософия и корпоративная история, космология Смолина, корональные петли и смерть детерминизма. Есть даже изящные спецификации чудотворной технологии – именно она дает возможность поцеловать Солнце и не сгореть – а также полосовых фильтров, пропускающих те самые магнитные поля, но отсеивающих жару и радиацию. (Спецификации, кстати, патентованные, насколько вижу. Нам раскрывают секреты, чтобы успокоить, но сотрут их по пути домой.)

Чито ждет, пока каждый покажет ему большой палец.

– Хорошо. Ознакомьтесь с ними до погружения. Когда мы откроем ставни, ваши инлеи работать не будут. Сюда.

Пока мы идем по туннелю, наш вес увеличивается; сначала с десятков пилигримов плывут, потом подсакивают, а потом лишь качаются на нетвердых ногах. Жилые отсеки лагеря вырезаны где-то в двадцати метрах от дыры, так что тут примерно с четверть «же», когда кар-

тошка припаркована. Когда пойдем вниз, будет раза в два меньше, в зависимости от того, как сильно растянут массу.

В вестибюле нас встречает мозг в шаре: крохотное яркое ядро в сумеречном гроте. У него есть свое собственное небольшое гравитационное поле, оно замедляет нас, тянет к себе, пока мы идем мимо к своим койкам. Мы собираемся вокруг него, как свита из орбитальных спутников.

Вблизи я вижу, что это не настоящий мозг. Нет полушарий, выраженных долей, древних лимбических подструктур, которые должны удерживать его на месте. Лишь морщинистый сгусток нейронов, сияющий изнутри: волны мыслей зримо прокатываются по нему благодаря какому-то флуоресцентному протеину, подклеенному в систему ради безвкусных спецэффектов.

У этого маленького отродья сверкает табличка: «Свободная воля. Единственный известный пример».

– Кроме нас, счастливчиков. Если, конечно, мы получим то, за что заплатили.

На сантиметр короче меня; коренастая, налысо бритая, альбинонордический тип.

– Агни Фальк, – говорит она, пингуя мне визитку: младший вице-президент глубоководной шахты на хребте Фарадея. Жительница умирающего фронта, она все еще возится на дне океана, хотя небо забито астероидами и драгоценными металлами.

– Сандей, – я держу свои параметры и фамилию при себе. Я, конечно, не знаменитость. Возможно, моя судьба – отправиться в полет к границам вселенной, но в проекте пятьдесят тысяч человек, так что наша известность несколько размыта. И все равно, запустить поиск по имени можно за долю секунды, а мне не особо хочется отвечать на бесконечный поток вопросов о том, как это – расти спорой.

– Рада познакомиться, – говорит Фальк, протягивая руку. Чуть поколебавшись, я беру ее ладонь в свою. Она отводит глаза буквально на секунду, смотрит вниз, на наши ладони, замечает мой шрам, выглядывающий из-под рукава, но улыбается по-прежнему.

У сморщенного грейпфрута в ее черепе столько связей: со звуком, прикосновениями, проприоцепцией. Больше двух миллионов каналов только от одних глаз. Не как у этого сгустка в аквариуме. Он глухой, немой и слепой, никаких трубок, если не считать те, что переносят отходы и питательные вещества. Это просто масса нейронов, пара миллиардов мясных переключателей, зависших в стазисе, пока какой-нибудь внешний стимул не заставит их работать.

Я никакого стимула не вижу, подать сигнал на эту проводку невозможно. Но почему-то она активна. Сияние, переливающееся на поверхности, говорит о плененной внутри душе.

Ее нейроны искрятся, хотя в них никто не тыкает. Ты же их хотел увидеть, Кай. Вот они.

Фальк тоже смотрит на мозг:

– Интересно, как оно работает?

– Из-за новизны, – говорит пилигрим, стоящий в тени с другой стороны шара, индеец, судя по голосу. – Так мне рассказывали, по крайней мере. Особая комбинация квантовых полей, ничего подобного раньше вообще не существовало, и потому вселенная не может об этом вспомнить, ей приходится... импровизировать.

– Да это просто разводка, – отвечает какой-то скептик слева. – Могу поспорить, они запустили эту штуку перед нашим приходом. И со временем она отключится.

– Мы все со временем отключимся.

– Квантовые эффекты...

– Эфаптическая передача или вроде того.

– Но что оно делает? – спрашивает кто-то, и все сразу замолкают. – В смысле, это же свобода воли, так? Свобода воли делать что? Оно ничего не чувствует. Не может двигаться. Не знаю, эта штука больше походит на какой-то разумный йогурт или типа того.

Все смотрят на Чито.

– Не в этом смысл, – не сразу говорит тот. – А в демонстрации принципа.

Я снова перевожу взгляд на шар, на интерференционные узоры, извивающиеся на мясе. Странно, но в загруженном архиве эту штуку не показали. Может, компания подумала, что немного тайны нам не помешает.

В наши дни с тайнами напряженка.

АДМИНИСТРАЦИЯ ДИАСПОРЫ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ОТДЕЛ ПСИХОЛОГИИ ЭКИПАЖА

ЗАПИСЬ ИНТЕРВЬЮ ПОСЛЕ ИНЦИДЕНТА

КОД ИНТ.: DC25-2121:11:03-1820

СУТЬ ИНЦИДЕНТА: аутодеструктивное поведение

СУБЪЕКТ: С. Азмундин, кор. «Эриофора», Ж, возраст: 16 (хрон), 23
(разв)

ИНТЕРВЬЮЕР: М. Савада, ОПЭ

НАБЛ/БИОТЕЛ: ACD-005-F11

ПСИХОКОММЕНТАРИЙ: ACD-005-C21

М. Савада: Сейчас ты чувствуешь себя лучше?

ТИШИНА: 6 СЕК.

Почему ты это сделала, Сандей?

С. Азмундин: Как думаете, наш разговор когда-нибудь начнется по-другому?

МС: Сандей, почему...

СА: Я этого не делала. Я вообще ничего не делаю. И никто из нас не делает.

МС: А, понимаю.

СА: И потом, когда они удалили опухоль из его мозга, заключенный перестал ебать все, что движется. Из его личности исчез даже намек на гиперсексуальную педофилию. И его, разумеется, отпустили домой, ведь он не нес ответственности: опухоль заставляла его делать все эти ужасные вещи.

МС: О, ты решила вновь обратиться к классике. Это хорошо.

СА: И все поздравили друг друга с озарением, порадовались чудесам современной медицины, и никому не хватило яиц задать вопрос: разве опухоль должна иметь хоть какое-то значение? Разве здоровые люди несут больше ответственности за то, как смонтирован их мозг? Разве они могут отредактировать или подрезать собственные синапсы так, как больным не дано?

ТИШИНА: 3 СЕК.

МС: Можешь не верить, но ты не первый человек шестнадцати лет, который задает подобные вопросы. Даже неускоренные подростки, насколько известно, время от времени борются с парадоксом человеческой природы.

СА: Да неужели.

МС: Конечно, обычно они подходят более зрело к проблеме. Например, не прибегают к фальшивым попыткам самоубийства.

СА: А с чего ты подумал, что она фальшивая?

МС: Потому что ты достаточно умна, чтобы все сделать наверняка.

СА: Я изучила материал. Что поперек резать, что вниз. Никакой разницы.

МС: Хорошо. Ты достаточно умна и знала: мы успеем вовремя, и неважно, как ты режешь.

ТИШИНА: 4 СЕК.

МС: Сколько раз я должен говорить, Сандей? Весь этот... театр... не нужен. Ты можешь просто уйти. Просто скажи нам и уходи.

СА: И что мне делать? Я – план Б. Резерв на случай, если команда А не решит какую-нибудь тупую проблему с энным количеством тел. Меня для этого сконструировали.

МС: Мы тренировали тебя быть инициативной. Давали образование, чтобы ты могла решать задачи общего характера. И если ты не знаешь, как продуктивно использовать этот навык в Солнечной системе, тогда продолжай в том же духе. В следующий раз попытайся выпрыгнуть из воздушного шлюза.

СА: Я такая, какая есть. Я сойду с ума, если буду заниматься чем-то еще.

МС: Так почему ты постоянно с нами борешься?

СА: Я такая, какая есть, не просто так. Вы меня такой сделали.

МС: Ты действительно думаешь, что я контролирую свои способности и желания лучше тебя? Всех... формируют, Сандей. Разница только в том, что нас сформировал слепой случай. А тебя мы сформировали с определенной целью.

СА: С вашей целью.

МС: Получается, опухоль все-таки имеет значение?

ТИШИНА: 2 СЕК.

МС: Стволовые клетки еще не прижились. Будешь расчесывать – останутся шрамы.

СА: А я хочу шрамы.

МС: Сандей...

СА: Пошел на хуй, Маморо. Это мое тело, даже если жизнь не моя. Можешь вычесть из залога на убытки, если не нравится.

МС: Постарайся отдохнуть. Симвы Керра-Ньюмана завтра в 8:45.

На таком расстоянии от Солнца инерционных двигателей нет. Нет петлевой квантовой гравитации, нет волшебных червоточин. Рядом с такой массой любые реактивные движки дохнут сразу. А потому Базовый лагерь, чья привязь растянута до предела, запускает новый корабль для этой последней, кульминационной фазы нашего паломничества. «Автономность для людей»: экранированный кристалл, обрамленный скользящими зеркалами – полмиллиарда защитных осколков, концентрически выложенных, точно выровненных и постоянно подстраивающихся под окружение, чтобы уберечь нас от фотосферы.

Чито говорит, что лучшей ситуации и придумать нельзя, не в этой точке цикла: к нам идет стабильная пара солнечных пятен с диаметром в пике около пятидесяти тысяч километров. Вероятность коронального выброса меньше одного процента, и даже в этом случае он будет направлен в другую сторону. Не о чем беспокоиться.

Прекрасно. За бортом температура пять тысяч градусов, а мы живем и здравствуем, помоему, это уже настоящее волшебство; почему бы не подкинуть в общую картину еще и цунами из радиоактивной плазмы, которое захлестнет нас со скоростью пятьсот километров в секунду?

Пилигримов связали и бросили в камеру без окон, цилиндре метров шесть в длину максимум. Изогнутая переборка сияет бледно-желтой пастелью, как у нимба Иисуса. Мы смотрим

рим вперед, привязаны к хребту, идущему вдоль оси отсека: каждый позвонок – это противоперегрузочная койка, каждый корешок – поручень или подлокотник. Нас зафиксировали ради нашей же безопасности. И ради безопасности других пилигримов. Никогда не знаешь, как автоматы среагируют на автономность. Нам, в конце концов, не обещали блаженство. До меня доходили слухи – неподтвержденные, конечно, и никакого упоминания в корпоративных инструкциях о них нет – о первых турах, когда свободные во всех смыслах клиенты ногтями буквально срывали с себя лица. Сейчас компания старается рисковать по минимуму. Свободу мы будем познавать в оковах.

Прошло уже несколько часов. Вокруг не парят внимательные помощники, бдительные машины не ждут своего времени, если что-то пойдет не так. Под влиянием шести тысяч филигранных гауссов нельзя доверять ни технике, ни техникам. Впрочем, они за нами наблюдают сверху, из экранированного кокпита: под слоями мю-металла и сверхпроводников, до задницы зафардеинные, они приглядывают за нами сквозь нить оптоволокну толщиной с человеческий волос. Если все пойдет не по плану, они захлопнут фильтры, вернут нас в мир часовых механизмов и рванут обратно, туда, где есть лекарства, шлемы Бога и дефибрилляторы.

У нас есть большой выбор заранее записанной музыки, чтобы мы не скучали. Но она никого не интересует. С тех пор как мы вылетели из базового лагеря, никто не произнес ни слова. Может, не хотят разрушать настроение. Может, прямо сейчас в последний раз анализируют механику чуда, забивая себя информацией, так как инлеи, которые обычно помнят такие вещи за нас, станут не только бесполезными, но и вредными, как только ставни откроются.

По крайней мере двое пилигримов молятся.

Переборка исчезает. Наше крошечное множество начинает охать. Мы лежим голые в море огня.

И не просто в море: в бесконечном бурлящем пространстве, на раскаленной основе бытия. Куда ни посмотри – повсюду итерируют плазменные фракталы, их постоянно подпитывают всплески из конвективной зоны. Сияющие гобелены, размерами превосходящие многие миры, превращаются в хохочущие лица демонов с пылающими пастями и глазами. Корональные петли, бесконечные арки плазмы дрожат и прыгают по этой бурлящей поверхности навстречу невообразимо далекому горизонту.

Почему-то я не слепну.

Внизу царит ад. Наверху крошечная тьма, пронизанная яркими канатами и нитями, извивающимися во мраке: сапфировые, изумрудные переплетающиеся косы желтого и белого цветов. Петли и узлы магнитного поля Солнца постоянно деформируются, искажаются Кориолисом и дифференциальным вращением.

Конечно, все это артефакт. Тактический оверлей, который тянет невидимые контуры в пространство человеческого зрения. Здесь вся реальность подвергается цензуре сложного взаимодействия полей и фильтров, вольфрамового экранирования и программируемого вещества. Наверное, лишь один фотон из триллиона пробивается внутрь: жесткие рентгеновские, гамма-лучи, протоны высокой энергии – всех не пускают за порог.

Прямо по курсу, на горизонте ползут две опухоли: темные континенты на ярком горящем море. В тени той, что поменьше, могли бы исчезнуть с пяток Земель.

– Сцилла и Харибда, – шепчет кто-то за моим плечом.

Понятия не имею, о чем идет речь.

Мы идем в пространство между континентами.

Магнитные поля. В них вся суть. Забудьте о синхротронном излучении, о гамма-излучении, забудьте об игольчатой буре протонов, которые мгновенно разорвали бы вам внутренности в кашу, если бы проникли сквозь экранирование (и несколькими это удастся: как только мы доберемся домой, туристам не обойтись без десятка крошечных опухолей, проверок и микрохирургии). Главное – это невидимые петли магнитной силы, которые тянутся вверх от самого

тахоклина и пробиваются сквозь поверхность Солнца. Здесь столько всего происходит: контуры танцуют внутри контуров, силовые линии плотно опутывают невидимые валы – такие реакции увеличивают напряженность поля в пять тысяч раз. Хотя дело не в интенсивности. А в сложности: все эти перепутанные линии без проблем свиваются, стягиваются в узлы, и в таком изошренном, настолько туго натянутом узоре всегда что-то рвется.

Говорят, только в этом месте можно обрести свободу воли. На грани.

Когда все может разрушиться в любой момент.

Солнечные пятна окружают нас по флангам, магнитный север, магнитный юг, огромные черные дыры пожирают свет по обе стороны. Витые арабески дугой изгибаются между ними, арки внутри арок внутри арок, вышиной в пять Юпитеров. Самая верхняя слегка дрожит, когда мы приближаемся. Она изгибается внутрь.

И ломается.

Кабину захлестывает ослепляющий белый свет. В эту самую секунду мы существуем в сердце перезапыкания. На капсулу обрушивается электрический поток; у меня встает дыбом каждый волосок на теле. Разряд заливаает каждый синапс, перезапыкает каждую цепь, сбрасывает все часы на ноль.

Мы свободны.

Позади нас сияющие контуры отскакивают, словно резиновые ленты. Где-то рядом люди поют на неведомых языках. Агни Фальк в раю, прямо здесь, в бездне ада: глаза закрыты, лицо блаженное, в уголке рта набухает бусинка слюны. Через три позвонка в сторону кормы кто-то стонет и бьется в пугах, то ли от экстаза, то ли от удара током.

Я ничего не чувствую.

Я стараюсь. Действительно стараюсь. Заглядываю глубоко внутрь себя, ищу хотя бы искорку нового озарения, хоть какую-то разницу между подлинной волей, которой я сейчас обладаю, и обыкновенной иллюзией, бредом, поразившим каждого человека с тех пор, как наша модель сошла с конвейера. Да и как мне узнать? Разве в теменной доле есть диод, темный с самого рождения, который загорается лишь в одном случае, когда спадает поводок? Неужели десять минут назад все мои решения были менее автономны, чем сейчас? Я свободна? Могу идти? Мы достигли цели?

Кажется, другим уже все ясно. Может, Солнце освободило их от рабства, а может, просто поджарило мозги, но для них что-то изменилось. Может, дело во мне. Наверное, все правки, которые адаптировали меня под глубокий космос и глубокое время, каким-то образом... снизили мою чувствительность. Может, имплантаты спор дали какую-то уникальную интерференцию, которая подавила сигнал.

Кай был прав. Как жалко, блин.

Врубаются форсажные камеры «Автономности». Ускорение вжимает меня в кресло. Со всех сторон до сих пор корчится и ослепляет Солнце (хотя теперь горизонт выгибается, так как мы легли на обратный курс). При других обстоятельствах такое зрелище вдохновило бы и ужаснуло; но теперь я отвожу глаза не в благоговении, а от разочарования. Взгляд падает на тыльную сторону левой руки, скованную у запястья, рефлекторно сомкнувшуюся вокруг подлокотника. Даже моя эндокринная система не впечатлена; из 864 видимых пор только 106 активно выделяет пот. По идее, такая близость к Солнцу могла бы вызвать...

Подождите...

Я не могу этого видеть. Человеческим глазам разрешения не хватит. И все-таки... это не галлюцинация. Каждая пора, каждый канал, каждый курчавый волосок на теле находятся именно там, где им положено. Я могу подтвердить расположение каждого благодаря независимым линиям мышления.

В голове появляется фраза: «Визуализация данных».

Я этого не вижу. Я делаю логические выводы. Глубинные отделы мозга, чьи вычисления слишком обширны, чтобы поместиться во временной памяти сознания, передают под столом записки. Они превратили мою зрительную кору в шпаргалку. Я вижу микроскопические ворсинки на сиденье. Вижу крылья бабочек, трепещущие в солнечной короне, слышу каждый стук сердца в капсуле.

Я вижу вселенную из паутин, где все связано со всем. Вижу будущее, которое задыхается от постоянного усложняющегося переплетения взаимодействий и ограничений. Смотрю назад и вижу, как эти нити истончаются позади меня: световой конус сжимается, причины отрываются от следствий, каждая схлопнувшаяся волна вероятности вновь набирает потенциал, там, в прошлом, где все возможно.

Я делаю шаг назад, выхожу наружу и вбираю в себя все.

Я вижу хаос без формы и пустоты. Я вижу вспышку.

Я вижу, как из нее появляется планковское время.

Я вижу, как электроядерные силы коллапсируют, порождая выводок строительных блоков: гравитацию, электромагнетизм, сильные и слабые ядерные взаимодействия. Я вижу, как амплитуды собирает себя из закрытых дверей и упущенных возможностей. Столько потенциала тратится зря, за одну единственную пикосекунду исчезает столько путей. Законы физики застывают, и бесчисленные степени свободы пропадают навсегда. Будущее – это смиренная рубашка: каждый поворот электрона чуть туже затягивает ремни, каждое решение пойти туда, а не сюда уничтожает оставшиеся альтернативы.

Я вижу спутанные нити собственного будущего, вижу, как они все сильнее сжимаются и сходятся в одной точке. Отсюда я ее не вижу, но смысл не в этом. Нитей достаточно. Они тянутся на тысячелетия вперед.

Раньше я никогда в это не верила.

Другие люди всхлипывают, рыдают от экстаза, кусают губы стучащими зубами. А я громко хохочу. Я никогда не чувствовала такую надежду, такую уверенность, как сейчас. Я отпускаю подлокотники, разжимаю руки и поднимаю их ладонями вверх.

Шрамы на запястьях исчезли.

Я родилась заново.

«Пойми: ты сама должна сделать выбор».

Впервые я услышала эти слова в четыре года. Тогда мне не вживили инлеи, никому не вживили; нас приходилось собирать вместе в одном и том же месте и говорить со всей группой, словно мы учились в какой-то старой школе из другого века.

Они показали нам, почему мы здесь: пылевые зоны, затонувшие побережья, слабые истощенные экосистемы, задыхающиеся от столетий человеческих отходов. Нам показали архивные съемки линчевания братьев Кох², от которых мы стали чувствовать себя чуть лучше, но на самом деле оно ничего не изменило.

– У нас заканчивается время, – сказала наша учительница – наша первая учительница, и я до сих пор не могу вспомнить ее имя, но зато помню, что один глаз у нее был голубого цвета, а другой – янтарного. – Мы все предвидели, но по-настоящему не верили в собственные предсказания.

Она рассказала нам о рудиментах Манифеста Хокинга, о концепции Великого фильтра, о зловещих предзнаменованиях, что висели на фоне человеческой истории, как все увеличивающийся долг, сроки по которому давно прошли. И проценты набегали год за годом, и счет

² Здесь имеются в виду *Чарльз Кох* и *Дэвид Кох*, американские предприниматели и миллиардеры, владельцы компании «Кох Индастриз», которая производит нефтепродукты.

уже был не за горами, и мы с огромной скоростью неслись навстречу кирпичной стене, но, кажется, никто не мог дать человечеству по тормозам, и какой смысл теперь говорить об этом?

И все это было, пока не появилось первое Кольцо Хокинга. Пока первый ион водорода попал из одной точки в другую, не пройдя пространство между ними. Пока открытие нерелятивистских червоточин не дало слабую надежду, чтобы хотя бы малое число людей доберется до других, еще не загрязненных гнезд.

– Но это же не сработает! – выпалила я, а учительница повернулась ко мне и спросила:

– Почему же, Сандей?

Если бы я тогда была чуть старше, чуть быстрее, то могла бы одним духом выпалить все причины разом: неважно, насколько быстро они нас вырастят и отправят в путь, неважно, что наши аварийные люки могут в одно мгновение связать целые световые годы. Мы все еще здесь, и понадобятся столетия, чтобы попасть куда-то еще, и даже магическим мостам нужен какой-то якорь на обоих концах. А все, что мы сейчас узнали о наших собратях – уничтоженные виды, пропущенные переломные моменты, множество бестолковых половинчатых решений, которые погибали уже на следующем цикле выборов – ничто из этого не оставляло надежды на глобальную инициативу, охватывающую тысячи лет. Мы были просто не способны на такое.

Но они не сделали нас умнее. Они лишь ускорили нас. Мой разогнанный крохотный мозг, может, и бежал в два раза быстрее, чем положено в его хронологическом возрасте, но как восьмилетка может осознать упрямую слепоту целого вида? Нутром я все понимала, но вот слов не знала. И потому смогла лишь тупо повторить:

– Слишком поздно. У нас, как вы сказали, кончилось время...

Какое-то время все молчали. Кай неодобрительно на меня посмотрел. Но когда учительница снова заговорила, в ее голосе не было упрека:

– Мы делаем это не для себя, Сандей.

Она повернулась ко всей группе.

– Именно поэтому мы не строим Нексус на Земле или даже вблизи от нее. Мы строим его глубоко в космосе, чтобы он смог пережить любую участь, которую мы уготовили себе. И там он будет... ждать тех, кто придет потом. Мы не знаем, кем станем через тысячу лет или через миллион. Возможно, уже послезавтра мы разбомбим все вокруг и отправимся в забвение. Мы такие. Но не теряйте надежды, ведь мы еще и другие, мы можем дотянуться до звезд. И если уже завтра впадем в дикость, то у нас в запасе будут столетия, чтобы подняться вновь, пока вы не проверите, как мы тут проживаем. А потому, вероятно, однажды вы постройте врата, а из них ничего не выйдет – так будет в следующий раз, и в следующий, пока вы не встретите ангелов. Вы не знаете, но сможете увидеть будущее. Каждый из вас. Сможете увидеть, как все обернется. Если захотите. Это только ваше решение.

Кто-то захлопал, мы повернулись на звук. В дверях стоял мужчина, сутулый, глаза грустные, как у бассета, над совершенно неуместной улыбкой на таком лице. Учительница еле заметно покраснела от аплодисментов, подняла руку в приветствии:

– Я хочу, чтобы вы все познакомились с доктором Савадой. В следующие несколько лет вы очень хорошо его узнаете. Если вы последуете за ним сейчас, то он вам кое-что покажет.

Мы встали и начали собирать вещи.

– И через десять тысяч лет... – слова вылетели поспешно, словно она не сказала их, а позволила им сбежать, – если хоть что-нибудь скажет вам «привет», оно точно будет лучше всего того, что вы оставили позади. – Учительница грустно улыбнулась. – Разве за такое не стоит отдать жизнь?

Кай стоит в стыковочном зале ожидания, как я и думала. Даже сквозь его ухмылку я вижу, как он удивлен: я не должна идти сама по себе так скоро. Других – сбитых с толку, растерянных, не отошедших от шока – держат под локоть проводники, аккуратно направляют к их

пожизненному заключению. Клиенты все еще моргают, не в силах избавиться от образов прозрения. Слепые с рождения, слепые снова, они даже не могут толком вспомнить, что увидели.

И не смогут. Их сконструировали случайно; может, лишь пара модов ради зеленых глаз или лучшего слуха, или защиты от рака. Их машины созидания не знали предвидения и будущего. Эволюции важно лишь то, что работает сейчас.

Я совершенно другая. Я вижу на световые годы вперед.

А потому никаких проводников для Сандей Азмундин. Моя пастушка все еще у шлюза, она явно ерзает от нетерпения, ждет, когда же я появлюсь. А я прошла мимо нее, и она меня даже не заметила; ее поисковый образ настроен на рассеянность, а не целеустремленность.

– Привет, – я улыбаюсь Каю. – Ты был не обязан сюда приходить.

– Получила, что хотела? Счастлива, наконец?

Да. Я действительно рада его видеть.

– Они тебя обыграли, понимаешь? – говорит он. – Думаешь, надула их, думаешь, удивила? Они прекрасно знали, что ты собираешься сделать. Неважно, что ты там узнала, неважно, чего добились, они...

– Я знаю, – спокойно отвечаю я.

– Они хотели, чтобы ты сюда прилетела. Этот опыт даже в теории не мог поставить под удар твою преданность миссии. Он должен был ее зацементировать.

– Кай, я все это знаю, – я пожимаю плечами и беру его за руку. – Ну что могу сказать? Все сработало, – хотя и не так, как они думают. Я поворачиваю запястье, пока не показываются вены. – Смотри.

– Что? – Он хмурится. – Думаешь, я их раньше не видел?

Похоже, он не готов.

Я вижу, что он готов уйти, потому разворачиваюсь первой, лицом к невидимой линзе с другой стороны отсека. Машу рукой.

– Что ты делаешь?

– Приглашаю доктора выйти к нам.

И по его реакции я понимаю, что Савада привел помощника.

По приглашению они входят через боковую дверь, пересекают палубу, когда последние пилигримы исчезают в трубе.

– Мисс Азмундин, – говорит Радек (я целую секунду пытаюсь понять, откуда знаю его имя; оно появляется в памяти так быстро, словно он носит на костюме бирку).

– Сандей, – улыбается мне Савада. – Как свобода?

– Не совсем такая, как ее перевозносят.

– Ты готова вернуться домой?

– Со временем, – я вижу, что Радек слегка напрягся. – А что, какая-то спешка?

– Нет, – отвечает Савада.

– У нас есть все время мира, – добавляет Радек. – Давай, гуляй, пока звезды не погаснут.

И я вижу, что он говорит буквально.

– Я что-то смешное сказал? – спрашивает Радек, а ухмылка Кая только ширится.

Я улыбаюсь, не могу остановиться. Я все понимаю по отсутствию реакции. Их лица неподвижны, а в глазах роятся звезды. И не просто звезды, а те, которые сместились в красную область, от видимого света к инфракрасному, слишком быстро для любого естественного процесса. Звезды, чей свет скрылся под наперстком. Целые солнца... которые кто-то закрыл обложкой.

– Вы нашли Второй тип, – чуть ли не про себя бормочу я. – В Змееносце.

А вот теперь лица у них дергаются.

– Да, сначала там, – в их нервно подрагивающих веках я вижу настоящие откровения. – Теперь их заметили в Змее. И они направляются сюда.

Разумеется.

Эти люди не стали бы соваться в космос, если бы не боялись, что соперники успеют туда первыми. Из-за собственного равнодушия они бы сожгли весь мир, но как только этому миру стало что-то угрожать извне, как они тут же взметнулись, страстно его защищая. Само по себе человечество сосет большой палец, сидя в собственном дерьме; но столкнувшись с Другим, оно начинает строить порталы в бесконечность. Конструировать созданий вроде меня, чтобы рассеять их по всему космосу.

Враг – вот все, что нужно людям.

И я вижу кое-что еще: вскоре прозрение меня покинет. Процесс уже запущен. Я чувствую, как начинают затуманиваться мысли, как на глаза возвращаются катаракты. Мои нейроны, может, и упрямее, чем у Фальк и ее друзей, но вскоре – через несколько часов, а может, через день – они вернутся к базовому состоянию, и я погасну, как выдохшаяся батарейка.

Это нормально. Все мои откровения в безопасности; нет нужды реконструировать путешествие, если помнишь пункт назначения.

– Это твое решение, – напоминает Савада. – И так было всегда.

Конечно, он неправ. Это не мое решение, и так было всегда. По крайней мере тут я не ошиблась.

Но это и не их решение.

Я поворачиваюсь к своему учителю:

– Не ты выбираешь мой путь, Маморо.

Он качает головой:

– Никто и никогда не...

– Путь уже выбран. Ты его только расчищаешь.

Все это время я бросала им вызов, провоцировала, чтобы меня вышвырнули; все это время они самоуверенно держали дверь открытой и подбивали меня уйти. Все это время я пыталась быть свободной.

Но вы можете оставить свободу себе. У меня есть кое-что получше.

У меня есть предназначение.

Революция в стоп-кадрах

*В память о Банане/Чипе.
Они ненавидели друг друга.*

Когда мы только отправились в путь, я придумала для себя игру. Оттаивая, каждый раз подсчитывала, сколько мы уже в пути; а потом смотрела, где бы мы оказались, если бы «Эриофора» была машиной времени и уходила вглубь земной истории, а не летела сквозь космос. Только взгляните: за срок, который нам понадобился, чтобы достигнуть первой сборки, мы бы уже добрались до Промышленной революции. Еще две сборки – и мы в Золотом веке ислама, еще семь – и вот уже династия Шан.

Возможно, таким способом я старалась создать хоть какую-то связь, измерить самое бесмертное из свершений линейкой, которую бы мясо чувствовало нутром. Но ничего не вышло. На самом деле эффект получился обратный, меня грубо ткнули носом в то, насколько абсурдна моя гордыня, лишь из-за нее я пыталась замкнуть Диаспору в жалких границах земной истории.

Для начала Шимп никого не размораживал до седьмых врат, когда прошло уже шесть тысяч лет; я проспала всю человеческую цивилизацию, даже не пошевелилась до самого падения минойцев. Наверное, Кай был на палубе во времена пирамиды Хеопса, но когда Шимп вызвал меня из склепа, мы уже оказались в последнем ледниковом периоде. А потом двигались через палеолит: «Эриофора» собрала пять тысяч врат – лишь триста потребовали присутствия мяса на палубе – а мы едва закончили первый цикл по Млечному Пути.

Я сдалась после австралопитеков. Глупая была игра, детская, обреченная с самого начала. Мы – всего лишь пещерные люди. И только наша миссия трансцендентна.

Не знаю точно, что подвигло меня снова взяться за это нелепое развлечение. Я прекрасно усвоила урок и в первый раз, а сам космос стал за это время куда обширнее. Но я дала ей еще один шанс, когда все пошло наперекосяк: вызвала часы, вычла столетия. Мы прошли по галактическому диску уже тридцать два раза, оставили за собой больше ста тысяч врат. Мы обработали столько сырья, что Бог, взглянув на нас сверху, смог бы отследить наш путь по зазубренной спирали из начисто высосанных, крохотных пузырьков, избавленных от льда и камней.

Шестьдесят шесть миллионов лет, если по старому календарю. Вот сколько мы провели в дороге. Добрались до самого конца мелового периода.

Плюс-минус пара тысячелетий, революция случилась именно в тот день, когда один из крошечных родственников «Эриофоры» ударил Землю по лицу и стер с нее динозавров.

Не знаю почему, но мне это кажется забавным.

Случайные демоны

Она сломалась во время сборки в созвездии Единорога. Через долю секунды после того, как мы запустили врата, из них выскочил греmlin; ублюдок как будто ждал нас, и пока мы ползли сквозь пустоту, чтобы освободить эту тварь, в ней столетиями каждую секунду росли голод и ненависть. Может, таким стало человечество после того, как «Эриофора» отправилась в полет. Может, чудовище появилось позже, сожрало всех людей и понеслось по покоренным шоссе, решив порвать уцелевших.

Неважно. И никогда не будет важно. Мы породили врата; врата породили монстра. Конкретно этот отозвался во мне каким-то слабым эхом воспоминания, которое я никак не могла распознать. Такое случается чаще, чем вы думаете. Когда за плечами порядочно гигасек, то довольно скоро начинаешь видеть в зеркале заднего вида одни и те же модели.

Нас спасли стандартные протоколы. Торможение после запуска врат – синоним самоубийства. От новорожденной червоточки идет такая радиация, что она испепелила бы нас задолго до того, как гремлина представился бы шанс нас съесть. А потому мы преодолели все трудности как обычно: провели нашу неоседланную сингулярность сквозь кольцо диаметром максимум в два раза больше «Эриофоры», замкнули контур со скоростью шестьдесят тысяч килопарсек, соединили «здесь» и «там», даже не притормозив. Мы верили, что правила не изменились, что математика, физика и спасающая наши задницы геометрия квадратов расстояния смягчат волну, когда та нас нагонит.

Мы опередили излучение, опередили гремлина, и когда два вида неясной смерти уже исчезали за кормой, я краем глаза зацепилась за желтую иконку Шимпа, предназначенную лично мне:

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ?

И я не понимала, чего ему нужно, пока не повернулась к Лиан и не увидела, что ту трясет.

Я протянула к ней руку:

– Лиан, ты как...

Она отмахнулась. Дышала быстро и неглубоко. Жилка билась на горле.

– Со мной все нормально. Я просто...

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ?

Я видела, как она пытается установить хрупкое подобие контроля. Видела, как сражается, слабеет, как побеждает, но не до конца. Но дыхание Лиан выровнялось.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ?

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ?

Я отрубила иконку.

– Лиан, в чем дело? Ты же знаешь, оно нас поймать не сможет.

Она посмотрела на меня так, как никогда прежде.

– Ты понятия не имеешь, на что эти штуки способны. Ты даже не знаешь, что это такое. Ты вообще ничего не знаешь.

– Я знаю, что им примерно за десять килосек надо с нуля ускориться до двадцати процентов световой, и это только для того, чтобы просто *попытаться* поймать нас. И если хоть кто-нибудь смог бы выкинуть такой трюк, то он бы давным-давно размазал «Эри», как жука, если бы захотел. И тебе об этом прекрасно известно.

Так было раньше, по крайней мере.

– Значит, вот так ты делаешь? – Она тихо хихикнула, звук был слишком близок к истерике.

– Что?

– Так справляешься? Если ничего еще не было, то и не будет?

Во время сборки на палубе находится пять человек, и угораздило же именно меня оказаться рядом с ней, когда ее сорвало.

– Ли, ты чего? В девяноста пяти процентах врата просто запускаются и все.

– Как будто от этого лучше, – она раскинула руки в парадоксальном жесте одновременно поражения и отрицания. – Сколько мы этим уже занимаемся?

– Ты об этом знаешь так же хорошо, как и я.

– Расширяем Человеческую империю. Ну или то, во что она сейчас превратилась, – как будто она сказала что-то новое. – И вот мы строим очередные врата, и оттуда ничего не появляется. Они вымерли? Им наплевать? Они просто забыли о нас?

Я открыла рот.

– Или, – продолжила Лиан, – мы строим врата, и что-то пытается нас убить. Или мы...

– Или мы строим врата, – твердо сказала я, – и происходит что-то чудесное. Помнишь пузыри? Помнишь эти роскошные пузыри?

Они пробились сквозь кольцо, как радуги, переливающиеся и прекрасные, они танцевали друг с другом, выросли размером с целый город, а потом просто исчезли.

От моего возгласа Лиан лишь еле заметно, криво ухмыльнулась.

– Да, точно. И что это было?

– Они нас не съели. Вот в чем смысл. Даже не пытались. Мы до сих пор живы, Лиан. У нас все прекрасно... даже лучше, мы превзошли себя по любым показателям, какой ни назови. И мы исследуем галактику. Ты что, забыла, насколько это удивительно? Там, на Земле... они даже помыслить не могли о том, что видели мы.

– Мы живем в немыслимом, – она снова захихикала. – Просто заебись, Сандей.

Я наблюдала за тем, как странное биомеханическое чудовище исчезало вдаль. Как рой иконок мерцал и обновлялся в оперконтуре. Как поблескивала обшивка палубы в тусклом свете мостика.

– Почему они не могут... просто поговорить с нами? Хоть иногда передать «привет»? Хотя бы раз.

– Не знаю. А ты до отлета когда-нибудь моталась на Мадагаскар, смотрела там на тупай, благодарила их за помощь?

– Ты это к чему?

– Ни к чему. Просто... – я пожала плечами. – Думаю, сейчас у наших потомков другие приоритеты.

– Наша миссия должна была закончиться. Они должны были отозвать нас миллионы лет назад. Нет... – Лиан подняла вверх дрожащую руку. – Мы не должны были торчать тут вечно. Сколько раз мы уже пролетали сквозь это блядское кольцо? – Она развела руками; Шимп, неверно истолковав ее жест, рассыпал местный звездный покров перед нашими глазами. – Возможно, кроме нас никого уже не осталось. А мы все равно увешали весь галактический диск вратами.

Я нарочито усмехнулась:

– Галактика большая. Нам еще пару кружков придется сделать, прежде чем твои слова станут правдой.

– И мы сделаем. На это можешь рассчитывать. Пока не испарится движок, Шимп не останется без энергии, а последние из нас не сгниют в склепе, словно заплесневевшие фрукты. – Лиан снова оглянулась на оперконтур, хотя все его данные плавали у нас в голове. – Мы свою работу сделали, Сандей. Срок нашей миссии давно вышел. «Эри» не должна была протянуть так долго. Мы сами не должны были, – она перевела дух, глубоко вздохнула. – Мы достаточно потрудились.

– Ты хочешь себя убить? – Я честно не понимала, к чему она клонит.
– Нет. – Лиан покачала головой. – Разумеется, нет.
– Тогда чего ты хочешь? В смысле, мы находимся здесь; где еще мы можем быть?
– Может, на Мадагаскаре? – Она так странно, абсурдно улыбнулась. – Может, нам оставили местечко. Прямо рядом с тупайями.
– Уверена, точно оставили. Судя по той штуке, которую мы недавно видели.
– Боже, Сан. – Ее лицо потухло, словно провалилось в себя. – Я просто хочу домой.
Я решила дать физическому контакту еще один шанс:
– Лиан... это и есть...
– Да, так и есть, – по крайней мере сейчас она не стяхнула мою руку.
– И больше ничего нет. Земля, даже если она все еще существует... она больше не наша.

Мы теперь...

– Тупайи, – прошептала Лиан.
– Да. Вроде того.
– Ну тогда, может, для нас еще остался теплый влажный лес, где бы мы могли спрятаться.
– Ты, блядь, неисправима. Оптимистка по жизни. – А потом, когда она не ответила: – Сборка закончилась, Лиан. Пора на отдых. Обещаю: через пару тысяч лет все будет казаться лучше.

Парк и Виктор, изнуренные бесчисленными сборками, решили на запуск не смотреть, а уединились в каюте. Все вместе мы собрались позже, под лазурным небом, чтобы слегка расслабиться перед возвращением в склеп.

Точнее, только трое из нас. Лиан, как обычно, предпочла свое собственное окружение: испещренную солнечными бликами опушку в девственном лесу, сгенерированном на основе какого-то давно помершего южноамериканского архива. Система была достаточно умна, чтобы примирить несовместимые реальности, стратегически разместив нас в чужих сценариях так, чтобы не было неловких накладок. Так мы и сидели – раскинувшись на псевдоподиях в стратосфере или расположившись на заросшей поляне в лесу, – потягивали наркотики и поздравляли друг друга с очередной успешной сборкой. Парк и Виктор – все еще во власти посткоитальной нежности – лежали, закинув ноги друг на друга, Парк рассеянно рисовал пальцем на своем скролле, Лиан сидела в позе лотоса на поде (в этом мире, по крайней мере; в своем она сейчас вполне могла дрейфовать на огромной кувшинке).

Калли нигде не было. Когда я о нем спросила, Виктор ответил:

– Рано ушел спать.

Я махнула бокалом в сторону парковского скролла:

– Что-то новенькое?

– «Заводной механизм в ре миноре».

– И получилось хорошо, – сказал Виктор.

– Да чепуха вышла, – буркнул Парк. – Но я еще не закончил.

– Не чепуха. – Виктор посмотрел на Лиан. – А ты слышала...

Та сидела на месте, сгорбившись, не сводила глаз с плит перед собой.

– Ли?

– У нас был, можно сказать, неприятный инцидент, – объяснила я. – После запуска.

И метнула им запись с гремлином.

Парк посмотрел:

– Однако.

– Это что, челюсти? – поинтересовался Виктор.

– Может, манипуляторы? – предположила я.

Виктор собрал пальцы в щепотку, изображая коготь:

– Может, теперь они так говорят «привет», – потом замолк и через секунду продолжил: – Я, правда, не думаю, что оно реально с нами разговаривало...

– Мы ни на одной волне ничего не слышали.

– Это постчеловеческий брачный ритуал, – предположил Парк.

– А что? Ритуал не глупее прочих, – я пожалала плечами. – Если бы они хотели надрать нам зад, то по идее уже могли бы додуматься до пучкового оружия или ракет. В них-то побольше смысла, чем в погоне за нами с разинутой пастью.

Весь этот разговор, разумеется, был для Лиан. Но та по-прежнему молчала, не сводя глаз с земли. Или с какого-то кошмара, который видела под плитами.

Неожиданно замолчали все.

Щелкнуло, оформилось смутное воспоминание:

– А знаете, на что это реально похоже? На тарантула, как там его зовут, не помню, которого пронесли на борт.

Непонимающие взгляды.

– В смысле, спереди. Ну вот тут, где клыки. А эти мелкие каплевидные штуки походят на глаза.

– На борту есть тарантул? – спросил Парк, для начала отпинговав архив и посмотрев, о чем идет речь.

– Необычный. Сконструированный. Он с ним в гробу спит между сменами. Говорит, паук проживет двести активных лет, если на него никто не наступит.

Виктор:

– Да кто говорит-то?

– Ну парень этот, Тарантул, – я окинула взглядом террасу. – Что, его никто не знает?

– Он из другого племени? – предположил Виктор. Иногда Шимп откалывал такой номер, выкидывал члена одного племени на вахту с другим, на случай, если из-за какой-нибудь катастрофы социальная группа уменьшится. Легче интегрироваться в коллектив, который уже знаешь, или типа того.

Я подняла глаза к небесам:

– Шимп? Ты-то знаешь, о ком я?

– К экипажу «Эриофоры» не приписан человек по имени Тарантул, – отрапортовал Шимп.

– Это не имя, у него просто есть тарантул.

– А ты можешь его описать?

– Темные волосы? Среднего роста? Белесый? – я пыталась вспомнить детали. – Ну красивый такой?

Виктор закатил глаза.

– Он на плече тарантула носил! Достаточно примечательный факт. Разве он не сужает круг поисков?

– Извини, – ответил Шимп. – Не нахожу совпадений.

– Это же контрабанда, – резонно заметил Виктор. – Он как минимум подкрутил настройки собственной приватности.

И он был прав. На «Эри» царила довольно мелочная регламентация экологического баланса и вечного движения. ЦУП, страдающий клинической паранойей, явно без всякого энтузиазма отнесся бы к любому живому существу, смахивающему на инвазивный вид.

Лиан встала, колеблясь.

– Ли? Пойдешь спать?

Она покачала головой:

– Нет, думаю... я сначала прогуляюсь. Побуду в реальности для разнообразия.

– Пещеры и туннели, – сказал Виктор. – Они ждут тебя.

– Кто знает? – она с трудом улыбнулась. – Может, я найду остров Пасхи.

– Удачи.

Она исчезла.

– Еще одна странница, – вздохнул Парк.

– В смысле?

– Ты же понимаешь, что она по твоим стопам идет?

А я этого не понимала. Хотя действительно любила побродить по коридорам после сборки, потрепаться с Шимпом, прежде чем отправиться на боковую.

– Вам Лиан странной не показалась? – спросила я.

Виктор потянулся, зевнул:

– Например?

Я задумалась о том, как бы себя почувствовала, если бы кто-то начал болтать о моем срыве всему племени, и потому решила обойтись без подробностей.

– Она вам не показалась какой-то... подавленной?

– Не без того. Особенно после твоей остроты про стреляющих гремлинов.

– Хотя немудрено, – добавил Парк. – Странно ожидать иной реакции от человека, в которого гремлины стреляли.

– Я... что?

– Так она же была на палубе, когда... – тут Парк все понял по моему лицу. – Ты что, не знала?

– Чего не знала?

– По нам кто-то стрелял, – объяснил Виктор. – Пару сборок назад.

– Чего?

– И попал, – добавил Парк. – Массивный кратер получился по правому борту. В двадцать метров глубиной. Еще бы пару градусов влево, и нам конец.

– Ебать! – прошептала я. – Да я же понятия не имела.

Парк нахмурился:

– Ты что, совсем логи не проверяешь?

– Если бы знала, то проверила бы, – я покачала головой. – Хотя кое-кто мог бы мне и рассказать.

– Ну вот мы и рассказали, – заметил Виктор.

– Это было пятьсот лет назад, – пожал плечами Парк. – В ста световых годах отсюда.

– Да пятьсот лет – это же ничто, – сказал Виктор. – Вот пара миллиардов пройдет, тогда и поговорим.

– Да, конечно, но... – Вдруг стало понятно, почему все мои ободряющие речи не имели успеха. – Боже, может, нам стоит пару пушек построить или вроде того?

Парк фыркнул:

– Точно. Шимпа твое предложение позабавит.

У нас, обитателей «Эриофоры», ходила легенда о пещере – глубоко на корме, почти там же, где находились пусковые двигатели, – забитой бриллиантами. И не обычными бриллиантами, а неограниченной, гексагональной хренью. Лонсдейлитами. Самым твердым веществом во всей треклятой Солнечной системе – ну, по крайней мере, так было в те времена, когда мы оттуда отчалили – а еще он подходил для лазерного считывания при загрузке.

Если взять для бэкапов любой другой материал, то с тем же успехом можно вырезать их из масла.

Когда путешествуешь миллиарды лет, ничто не вечно. Вселенная стоп-кадрами разворачивается вокруг, а потому даже для бэкапов бэкапов нужны бэкапы. Корректирующие стратегии репликации, выключенные у биологии, не могут постоянно предотвращать мутации. Это

справедливо для нас, мясных сосулек, которые каждую тысячу лет получают в реальном мире жизнь поденки; но так же справедливо и для харда. Мысль столь очевидная, что я о ней никогда не думала. А когда она впервые пришла мне в голову, Шимп уже существовал в восемьдесят третьей реинкарнации.

Его узлы плодились, словно мухи, и добирались до самых дальних уголков астероида, но этого было недостаточно. Не спасала даже палеолитически грубая проводка; когда в ИИ упаковано в два раза меньше синапсов, чем в человеческом мозге, что-то там мутит на нано-уровне – чистое позерство. И тем не менее, распадается все. Разлагаются кабели. Провода толщиной с десяток молекул со временем просто испаряются, если только энтропия и квантовое туннелирование не превращают их в губку первыми.

Периодически приходится обновляться.

Так родился Архив: библиотека бэкапов, грандиозный алмазный памятник из кубистских плит, прославляющий незапятнанное изначальное состояние системы. Когда-то на заре времен мы прозвали его островом Пасхи: из любопытства я отпинговала архивы и нашла ссылку на какой-то убогий островок черт знает где, известный в основном тем, что его дотехнологические обитатели подчистую разрушили окружающую среду родного дома для того, чтобы построить кучу уродливых статуй в память о своих давно умерших предках.

И действительно, как еще нам было его назвать?

А потому, когда запасы резервных Шимпов иссякали – и не только Шимпов, а еще грав-линз, кондиционеров и любых других критически важных артефактов, которые распались быстрее протона, – «Эри» отправляла неуклюжих редакторов на тот самый секретный остров Пасхи, где они могли прочитать неорганические чертежи. Такие обширные, такие стабильные, те могли пережить даже Млечный Путь.

И тут надо помнить: это место не всегда было тайной. Во время строительства и даже во время тренировок мы там толпой ходили. Но однажды, во время то ли третьего, то ли четвертого прохода по Рукаву Стрельца, Гхора после смены решил заняться спелеологией, пока остальные трупами лежали в склепе; он потом говорил, что просто хотел убить время, небольшой разведкой потехи ради хоть немного отсрочить неизбежную отключку. В общем, он добрался до зоны с повышенной гравитацией, прополз по соединительным туннелям и трещинам туда, где большим Х было отмечено то самое место, и выяснил, что остров Пасхи выскребли начисто: осталась лишь темная зияющая полость в скале с торчащими обрубками болтов и креплений, срезанных в паре сантиметров над поверхностью.

Пока мы спали в межзвездной бездне, Шимп куда-то перенес весь свой треклятый архив.

И не сказал куда. Просто не мог, так он утверждал. Сообщил лишь, что следовал заранее записанным инструкциям от ЦУПа, о которых даже не знал, пока не щелкнул какой-то таймер и не ввел пару новых указаний в пакет задач. Он даже не мог сказать, зачем это сделал.

Я ему верила. Когда в последний раз программисты что-то объясняли коду?

– Они нам не доверяют, – Кай тогда закатил глаза. – Восемь миллионов лет в дороге, а они боятся, что мы можем... что? Сломать систему жизнеобеспечения? Написать «Отсоси, Савада» на их моделях?

Время от времени мы отправлялись на поиски острова, когда было время и желание. В поисках неизвестного грота устанавливали в камень небольшие заряды, считывали эхо, проходящее по нашему крохотному миру. Шимп нас не останавливал. Ему и не надо было: с открытия Гхоры прошли терасекунды, а мы так ничего и не нашли.

Может, Лиан считала, что в этот раз ей повезет. А может, просто искала предлог уйти от нас.

В любом случае я желала ей удачи.

– Ну что, нашла?

Она как раз проводила обычные похоронные обряды, убирала комнату для того, кто вселится туда в следующий раз. Мне на это хватило минуты две: пара любимых комбинезонов, к которым я необъяснимо прикипела за тысячелетия, маленькая, полностью независимая скульптурная установка, которая принадлежала исключительно мне (и не важно, что у оборудования в залах отдыха разрешение было в десять раз выше, а скорость – в двадцать). Парочка *книг* – настоящих раритетов, они даже за движениями глаз не следили, приходилось скроллить текст вручную, – которые мама и папа дали мне при выпуске, эти редкости хранила, как бесценное сокровище, хотя никогда не читала. Паршивые карандашные наброски с портретами Кая и Измаила, наследие моих неумелых экспериментов в живописи, ими я увлекалась во время нашего третьего прохождения по Килу. А больше ничего.

Но у Лиан все было иначе. Она паковала вещи, которых хватило бы на половину племени: ковры, куча одежды, местные виархивы, которые куда эффективнее было бы доверить библиотеке «Эри». Подобранные по цвету ветхие чехлы, украшенные мозаикой Пенроуза, для спальных мест и псевдоподий. Что-то похожее на коллекцию, блядь, камней. Она даже упаковала свои собственные секс-игрушки, хотя с теми, которые и так по стандарту лежали в каждой комнате, можно было возиться хоть до самой тепловой смерти.

Чего доброго, она набивала хранилище всем этим барахлом с тех самых пор, как ушла с вечеринки.

Лиан вскинула голову, глаза у нее были остекленевшими; они даже не сразу остановились на мне:

– А?

– Остров Пасхи. Повезло на этот раз?

– Не. Может, в следующий раз, – она вбила последнюю скатанную в шар пару носков в рундук и захлопнула крышку с громким щелчком. – А я думала, вы все уже в склепе.

– Да я уже на пути. Хотела только проверить, как ты тут.

– Ну, у меня просто... сама знаешь, как. Я психанула. Все в порядке.

– Уверена?

Лиан кивнула, выпрямилась, указала пальцем на чемодан; тот от внимания сразу подкатился ближе.

– В каком-то смысле добыче повезло. Она бежит, спасает свою жизнь, а не просто хочет пообедать. – Слабая улыбка. – Мотивация у нее получше, согласна?

Я, разумеется, уже проверила логи. Гремлин атаковал через ворота, словно какой-то чудовищно мутировавший фаг. Он вибрировал – полностью отражая свет, походил на дрожащую каплю ртути – выталкивал из себя и тут же всасывал тысячи игл, словно выбирая их по размеру: двадцатисантиметровые стилеты, чтобы пришить человеческую голову к переборке, и тысячеметровые копы, которыми можно было и спутник пробить.

Парочку таких он и метнул в нас.

Тогда «Эриофора» уже ушла вперед на тридцать световых секунд. По идее, мы были неприкосновенны. Один снаряд прошел мимо и упал за кормой; а вот другой нацелился прямо на форсажную камеру, приближался к ней медленно, но все же приближался. Шимп провел расчеты, изогнул червоточину чуть влево – на долю от доли градуса, но даже этого хватило, чтобы вытолкнуть изолинии напряжений за пределы жестких ограничений. Треснул камень, раскололся из-за вращения. Как только выходишь на околосветовые показатели, от малейшего изменения курса можно пойти по швам; еще до того, как до нас добралось копы гремлины, «Эри» уже кровоточила из-за ран, которые сама себе нанесла. Но маневра не хватило; снаряд прошел по касательной, испарился, но оставил пятикилометровый шрам по правому борту.

Я пребывала в блаженной неслерти века до и после инцидента. Лиан Вей была на палубе и видела все своими глазами.

– В общем, эта штука, которая по нам выстрелила... ты же понимаешь, что на самом деле она ничего не меняет?

Лиан посмотрела на меня:

– Это еще почему?

– Преимущество по-прежнему за нами, вот почему. Даже Злая капля не смогла добраться до нас, пока мы не запустили врата. Пока гремлины разгонятся и атакуют, мы уже улетим на десять миллионов километров вперед.

Чемодан последовал за Лиан в коридор. Я пошла вслед за ними. Позади с тихим шипением затянулся люк; за ним покинутые апартаменты Лиан начали отключаться, готовясь к долгому сну.

– И да, эта штука действительно нагнала на нас страху, и через врата действительно может пройти нечто с излучателями или ракетами побыстрее. Все возможно. Но подумай вот о чем: у нас за спиной уже сотни тысяч сборок, а попали в нас лишь однажды, и даже в этом случае мы фактически отделались легким испугом. Ты должна признать: шансы явно на нашей стороне.

– Откуда ты знаешь, что по нам больше не стреляли?

– Из логов, разумеется.

– И ты им веришь.

– Ли, это логи.

– Вот только мы не можем их подтвердить, так как Шимп большую часть сборок проводит в одиночку.

– Ты хочешь сказать... но зачем ему подделывать записи?

– Потому что он запрограммирован на успех миссии, а она может пострадать, если мы каждый час бодрствования будем сидеть и думать, не убьет ли нас кто-нибудь. Может, мы уже тысячи раз были на волосок от смерти, а Шимп переписывает историю ради нашего боевого духа.

– Ли, он нам жизнь спас. И ты это знаешь лучше кого бы то ни было. И даже если ты права – даже если по нам палили куда чаще, чем показывают логи, – это значит лишь одно: Шимп спас не единожды.

Показался утес личных шкафчиков, темно-серый металлический улей, простершийся от палубы до потолка вдоль изгиба коридора.

– Значит, ты ему веришь, – сказала Лиан, – и, честно сказать, я удивлена.

– Разумеется, верю.

– Хотя он, возможно, нам врет. – Она подняла багаж с пола с тихим кряхтением, вставила его в пустой ящик на высоте талии. Загерметизировала его и закрыла отпечатком пальца.

– Ты же сама мне сказала. Он запрограммирован на успех миссии. – Из шкафчика послышалось шипение откачиваемого воздуха. – Ты знаешь, что он за нас умрет.

– Возможно, – Лиан вернулась в коридор.

– Эй, мы до сих пор живы, – я поравнялась с ней. – А значит, Шимп явно все делает правильно.

Мы какое-то время шли молча, пока на глаза нам не попало странное граффити, заляпавшее переборку.

– О, Художники опять за дело взялись, – сказала Лиан.

Я кивнула:

– До сих пор не знаю, кто эти долбоебы.

Понятно, конечно, что это племя, решившее пометить стены «Эриофоры» какими-то странными иероглифами. Но кто конкретно этим занимался, Шимп не говорил. Может, они сказали ему держать их личности в тайне. Ни один Художник не попался нам во время культурных обменов Шимпа – по крайней мере, никто в этом не признался – и это всегда казалось мне слегка подозрительным.

– Наверное, я себя накручиваю, – сказала Лиан, и я даже не сразу поняла, о чем она. Потом вспомнила: Шимп, гремлины, жертвы и хищники.

Я признала ее уступку и слегка поддалась:

– Скажу так: у тебя есть на то причины. Я бы на твоём месте вообще обделалась, если бы тогда была на палубе.

– Сандей... – она остановилась.

– Да?

– Просто... спасибо.

– За что?

– За то, что решила проверить, как я. Никому другому даже мысль такая в голову не пришла бы.

– Споры, сама знаешь, – я пожала плечами. – Нас же спроектировали на одиночество.

– Да, – она положила руку мне на плечо. – Это я и имела в виду.

Срыв

Вот как можно понять, что на «Эриофоре» аврал: ты просыпаешься и не понимаешь, зачем тебя воскресили.

– Какого...

Во рту сухость, веки как наждачка, все тело дергается от конвульсий нервной системы, которую запустили по-быстрому, хотя все синапсы уже давно заржавели.

– Интерфейс...

– Извини, Сандей. Воскрешение экстренное: не было времени ввести тебя в курс дела.

– Как... быстро?..

– Чуть больше двух часов.

От оживления с такой скоростью клетки могут разорваться, а мозг – обморозиться.

Я открыла рот, закрыла его. Где-то в глотке назревал сокрушительный кашель, грозящий разворотить мне грудную клетку.

– Расслабься, – сказал Шимп. – Ты вне опасности.

Не поднимая веки, я сглотнула, горло, казалось, было выложено разбитым стеклом. Что-то ткнулось в щеку. Я ухватила сосок губами, рефлекторно начала сосать, упиваясь потоком сладко-соленой теплой влаги.

– У меня личная проблема. Мне нужна помощь.

Пауза; тихий, статический щелчок где-то у меня в голове. Перед глазами расцвели редкие иконки.

– Ты онлайн, – подтвердил Шимп.

Я провела в отключке всего шесть терасекунд. И тысячи лет не прошло. Если все дело в сборке, то сейчас чужая смена.

Да, вот же они. Озмонт Гернье, Буркхардт Шидковский, Андалиб Лапорта. Не мое племя. Дети «Эри», так они себя называют. Камнепоклонники.

Лиан Вей.

Шимп опять занимался перекрестным опылением.

Но судя по логам, сборка прошла как по нотам. Зауряднейший красный карлик, целая куча комет и астероидов (вот почему Шимп разморозил команду; распределение масс превысило какой-то запрограммированный порог сложности). Стандартное сквозное кольцо запустилось без всяких помех; из врат ничего не выскочило, к добру или к худу. Смена подошла к концу. Все уже паковали вещи и готовились ко сну.

Так почему...

Я открыла глаза, уставившись из гроба в мутную тьму, на круг ярких пересекающихся нимбов.

– Лиан Вей расстроена, – объяснил Шимп. – Я надеюсь, ты сможешь ее успокоить.

Горло впитывало электролиты, словно мясистая губка. Ради эксперимента я слегка откашлялась. Уже лучше.

– В каком смысле расстроена?

– Она ссорится с другими спорами. И ее враждебность быстро растет.

– В... – остаточный кашель. – В чем причина ссоры?

– Кажется, во мне.

Нимбы собрались в круговое созвездие на потолке. Прямо из центра освещения на меня взирал один из глаз Шимпа, крохотная темная сердцевина в ярком кольце.

Я поднесла ладонь к лицу. Локоть больше походил на объемную схему: вот шаровидный сустав, вот небольшие хрящевые оси внутри, а вот векторы, из-за которых вся конструкция

с хрустом разлетится от страшного взрыва пружин и стержней, если только нажать на них посильнее...

У меня еще никогда не было межсмертного артрита. Он возникает только тогда, когда тебя слишком быстро оживляют.

Сверкала иконка, окно в трансляцию с чужого регистратора: судя по титру, Шидковского. Он смотрел куда-то в служебный туннель, забитый трубами и волокнами. Там, в тенях, притаилась чья-то фигура. Что-то мерцало у нее в руке. Потом размытые пятна – прыжок на свет, словно распрямилась взведенная пружина...

И Лиан ударила Буркхардта Шидковского ножом прямо в лицо.

Окно закрылось.

Выглядело все куда хуже, чем было на самом деле. Так, по крайней мере, говорил Шимп, пока я в полном охуении выбиралась из саркофага, поскользнулась и еле успела зацепиться, чтобы не грохнуться. Лиан держала в руке не нож, а монтажную горелку. Она копалась в магистрали, когда ее застучали, и сильно обожгла Шидковскому голову – поджарила выключатель интерфейса, – но ничего больше. Он отступил, Лиан скрылась в туннеле, и с тех пор все сидели смирно, ждали посредника.

В темноте раздалось слабое жужжание. Я повернулась, прищурившись. В тридцати метрах от меня из переборки, выстроенной из гробов, выехал очередной саркофаг, телеоп через шланг высасывал из него внутренности. Наверное, какой-то незнакомец. Когда мы отправлялись на заморозку, Шимп всегда держал членов одного племени поодаль друг от друга – зачистую в разных склепах – с одной целью: чтобы, пробудившись, очередная спора не слишком истерила, если у соседа полетела герметизация, замкнуло проводку или он просто умер во сне и сгнил за долгие годы в крошечной мгле.

И все равно я не могла не спросить, срываясь на кашель:

– А там... кто-нибудь знакомый?

– Нет. Сандей, пожалуйста, сосредоточься.

Жужжание нарастало. Из мрака нарисовался скакун, прокатился мимо вновь освободившегося места и остановился рядом со мной. Я упала внутрь. Шимп погнал к ближайшему туннелю.

– Почему я?

– Она тебе доверяет.

– Да с чего... Боже, Шимп, не хочешь слегка притормозить на поворотах? – Я могла управлять скакуном даже с похмелья, но не на скорости, явно необходимой при сложившихся обстоятельствах. – Если бы за прошедшие тысячи лет я позавтракала, то сейчас бы точно с едой попрощалась.

– В текущей ситуации мы находимся в условиях жестких временных ограничений, – извиняясь, ответил Шимп.

Мы, накренившись, миновали последний поворот, нырнув в одну из многочисленных пастей трубопровода. Скакун тут же остановился, запустив капсулу: летела она в десять раз быстрее, но тело переносило скорость легче. Вирази плавнее. Желудок успокоился, пока я мчалась по маглеву, а впереди меня ждала полная жопа. Когда труба выблевала транспорт в пункте назначения, я почти без усилий могла пройти по прямой.

Скакуна послала на все четыре стороны – решила, что если выйду на сцену своими силами, произведу больший эффект, – и последнюю пару десятков метров одолела пешком. Коридор слегка кренился на левый борт. Я все слышала еще до того, как увидела: приглушенные и раздраженные голоса, мужские и женские. Частые паузы в репликах.

Из левой кулисы на сцену выходит Сандей Азмундин.

«Гернье» – если верить титру над рыжим чернокожим мужчиной – стоит рядом с дырой в переборке (снятая панель прислонена к стене). «Лапорта» – надпись парит над брюнеткой-мулаткой – сгорбилась в скакуне.

Ну вот и познакомились.

– Где Буркхардт?

Лапорта вяло махнула в сторону правого борта:

– Пошел лицо лечить.

Гернье:

– Так ты знаешь эту дуру?

– Мы из одного племени, – осторожно ответила я.

– Вы же друзья, так?

Я глубоко вздохнула:

– Думаю, да. Что она натворила?

– Кроме того, что ткнула Буркхардту в лицо паяльной лампой? – Лапорта выбралась из скакуна и, прищурившись, посмотрела в служебный туннель, где я со своего места не могла разглядеть ничего, кроме трубок и амортизирующих прокладок. – Мы точно не знаем. Мы уже отправлялись на покой, Бурк вспомнил, что забыл свой тотем на мостике, мы решили вернуться и наткнулись на нее.

Тотем. А, точно. Камнепоклонники.

– Она хоть что-то сказала?

– Без обиняков послала нас на хуй.

– А что по диагностике?

– Ничего.

– Там глаз нет, – пояснил Гернье. Разумеется; эти магистрали – часть нервной системы Шимпа. Он бы почувствовал, если бы там что-то случилось.

– Эта сука вконец рехнулась, – заметила Лапорта. – Все кричала и кричала о том, что мы пережили нашу полезность, что вся программа спор... как там она выразилась, Оз?

– Попытка человечества влезть галактике в задницу, – вспомнил Гернье.

– Вот именно, – Лапорта покачала головой. – Как с таким отношением ее вообще взяли на борт?

– Мы отправились в путь много лет назад.

– Разве я изменилась? Или ты? – Она сочла молчание за согласие. – Мы – споры. Мы не меняемся.

Я развела руками, соглашаясь:

– Думаю, мне надо с ней поговорить.

– Она в твоём распоряжении, – сказал Гернье. – Мы – спать.

– Пока еще какая-нибудь херня не случилась, – добавила Лапорта.

– А у тебя джемпер можно взять? – Я еле заметно дрожала; Шимп не дал мне времени одеться.

Она разделась, передала одежду мне.

– Еще что-нибудь?

– Есть один вопрос.

Они воззрились на меня.

– Народ, кто-нибудь из вас видел парня с тарантулом?

– Лиан?

– Сандей? Ты почему не спишь?

– Меня Шимп разморозил. И что тут происходит?

– Заходи. Узнаешь.

Она заблокировала свой канал. Другого способа посмотреть, что она будет делать, не оставалось. Я склонилась к просвету.

– Отключайся, – сказала она. – Я тебя пригласила. И больше ничего.

Я вздохнула, отрубила МИН, мозговой интерфейс, и забралась к ней с безоружными глазами. Внутри было не разогнуться. Я на четвереньках поплелась вперед в серой масляной тьме. Магистраль – широкий плоский кабель-канал, вдобавок служащий полом, – была сделана из упругого эластомера. А в остальном вокруг шли трубы и оптоволокно, торчали кронштейны, скобы, гудели колющие электрические разряды.

Где-то в четырех метрах от входа, в углублении, притаилась как зверь Лиан. Лицо у нее казалось на удивление изможденным для человека, который проспал несколько эпох.

Она вскрыла магистраль.

– Ты меня извини. За то, что тебя вытащили из постели, да и вообще.

– Ты все это спланировала?

Она покачала головой:

– Я не хотела попадаться на глаза. Но... рада, что ты здесь. Раз уж кого-то послали.

Лиан прирастила шунт, где-то тридцать сантиметров оптоволокна; вроде бы сенсорный, но без интерфейса я не могла сказать точно. Правда, цепь пока не функционировала; основная линия осталась нетронутой. Возможно, Лиан как раз хотела ее перерезать, когда вмешался Буркхардт.

Я посмотрела на нее:

– Это что за...

Но Лиан тут же прижала палец к моим губам:

– Ш-ш-ш... Если сама не понимаешь, то я объяснять не буду. Я тебе доверяю, но это не значит, что...

– Да я отрубила МИН, Ли. Как ты и просила.

– Ты что, реально думаешь, у него нет аудиодатчиков в туннеле? Ты думаешь, он не слышит нас прямо сейчас...

– Тогда что я тут делаю? Если ты не собираешься...

– Да не знаю я, понятно? Я запаниковала. И... и сейчас мне явно не помешала бы дружеская рука.

Я вздохнула:

– Ладно. Поищем местечко потемнее. Там, где он нас не услышит, если это так важно.

Но там ты мне все сразу объяснишь. Ясно?

Она на мгновение задумалась. Потом быстро кивнула.

Я махнула рукой в сторону кабель-канала.

– Закрой его, – и поползла на выход вперед задницей. – Я знаю хорошее местечко.

На «Эриофоре» куча слепых пятен: всякие темные нычки в соединительных туннелях и разных закоулках; еще можно было спрятаться за здоровыми агрегатами, куда никто не догадался воткнуть камеру. Были даже точки – рядом с линиями электропередачи, где в мощном напряжении тонули миллиамперные сигналы, связывающие искусственные мозги с натуральными, – где Шимп терял зрение и не видел наши кортикальные линки.

Но мы отправились не туда. Мы нырнули глубже, летели с бешеной скоростью по безвоздушным туннелям с ребрами сверхпроводников, и я наполовину ослепла, и мне это совсем не нравилось.

Нет, иногда, конечно, ты отрубал линк: когда спал, когда сидел в каюте, занимался сексом, играл или странствовал. Отключался, когда не хотел отвлекаться на автономные мелодии и ритмы огромного каменного зверя, в котором мы жили.

Но не на смене. Не в открытом пространстве. Безоружные глаза ни черта не видят, только образы без всяких пояснений. Я чувствовала себя искалеченной; как будто могу куда-нибудь повернуть и заблудиться навсегда. Забыть имена людей, которых знала всю свою жизнь. Посмотреть на самый обыкновенный предмет и даже не понять, что это такое торчит передо мной.

А самое главное, эта добровольная слепота даже не дала нам приватности; у Шимпа датчики торчали и в этой капсуле, и в любой другой. От мелкого бунта Лиан он лишился разве что парочки и так избыточных видов от первого лица.

Наверное, дело было в принципе.

Мы уже сбрасывали скорость, наши тела невидимо тянуло вперед, так как капсула пристыковалась глубоко в тяжелой зоне. Лиан постучала по виску, и ее глаза замерцали от мечущихся саккад, которые говорили, что она онлайн. Я загрузила собственный линк, стараясь не так сильно радоваться при виде знакомого сада пробудившихся иконок. Здесь они все равно долго не протянут.

В этом был весь смысл.

В тяжелой зоне вес увеличивается процентов на тридцать. Жить можно – вся приливная хренотень шла дальше, рядом с ядром, где скачок от тринадцати «же» до трехсот происходит всего за два километра, – но неприятно. До нашей цели было всего-то метров пятьдесят по коридору, но, когда мы добрались, казалось, прошли вдвое больше. А может, дело было в другом, иная сила инерции тянула нас к полу. Может, наше путешествие подошло к концу, с отговорками покончено, а мы просто не хотели нарушать тишину.

Палуба тут слегка шла под уклон и походила на стальной пляж: там, где плескалась бы вода, виднелась широкая подвальная дверь, цель нашего путешествия. Название этого места было вытеснено прямо в сплав. А еще, благодаря пробудившемуся линку, висело прямо в воздухе, где-то в виртуальном метре от меня:

Доступ к лесу – 17Т

Люк плавно исчез в переборке при нашем приближении. Его направляющие не жаловались. Ни скрипа, ни скрежета. Как будто его установили вчера, как будто он не ждал, застыв, десять тысяч лет еще одного шанса подвигаться. Люк распахнулся как пасть, и внутри нас ждал мрак.

Лиан повернулась, разрушив хрупкую тишину:

– После тебя.

Мы вошли.

Забудь все, что когда-нибудь слышал о лесах «Эри».

Гены, подрихтованные для максимальной бифуркации. Тусклые округлые плоды, мерцающие от светящихся бактерий, их нуклеиновая кислота закована в смирительную рубашку из серных связей и вторичных петель для предотвращения мутаций. Большие вогнутые листья, черные, как тепловая смерть, изгибаются вокруг этих микробных ночников, подобно ладоням, защищающим пламя свечи. Слабые синие солнца разбросаны тут и там – одни всего метр в диаметре, другие – десять, а то и больше – пульсируя от собственной биолюминесцентности. Слепые и глупые боты-садовники с тараканьими мозгами вынюхивают путь среди веток, роботы даже не в сети, они просто массово фабрикуются и отправляются перерабатывать углерод и соскребать питательные вещества с мертвого камня. Канализация собирает наши замороженные насухо отходы и распределяет их по голодным корешкам. Все трюки, благодаря которым целую экосистему впили в пару десятков пещер, замедлили так, чтобы она просуществовала вечно: закупоренная биосфера при обычном уровне метаболизма не смогла бы обеспечить

и дюжину человек, но дает жизнь тридцати тысячам, конечно, пока мы дышим только каждые десять лет или вроде того.

Так вот: забудь обо всем этом.

Просто посмотри и сразу поймешь, что они сделали на самом деле. Они построили леса из кровеносных сосудов зарезанных гигантов; слили оттуда кровь, а вместо нее закачали смолу. Прогнали эту сверкающую черную грязь через сердце, аорту, по ветвящимся артериям, венам и бесконечным рекурсивным капиллярным руслам, которые соединяли одно с другим. После того как конструкция застыла, они выжгли мясо вокруг нее лазерами и ацетиленом. Потом взяли то, что осталось, – обсидиановые нервные сплетения, ветви, кости – разломали все на куски и вставили туда, куда те подходили: не только в огромные клубящиеся туманом пещеры, такие большие, что другой стены не разглядеть, но и в скромные гrotтики едва семидесяти метров от края до края.

А потом все украсили голубенькими рождественскими огоньками.

Они называли это лесом, так как система непрерывна: каждый отсек соединен с другими трубами и туннелями, пробуренными в скале, все нанизано на одну нить во имя «системной интеграции» и «полной взаимосвязи». Понимаешь, главное – это стабильность. Столь эпическая миссия не может позволить себе сложить все жизнеобеспечивающие яйца в одну корзину, но одновременно нельзя дать карманным экосистемам пуститься во все тяжкие в поисках эгоистичного равновесия. Потому все связано. У нас достаточно протока, чтобы все работало на одной волне – пусть каждый туннель и оснащен затвором. В конце концов, всегда лучше мгновенно изолировать одну рощу от другой, на случай если какой-нибудь катаклизм расколется «Эриофору» на куски.

Мне об этом известно лучше многих. Одна из моих специальностей как раз системы жизнеобеспечения.

Я всегда считала наши леса... убежищем своего рода. В них мы с Каем всегда проясняли наши разногласия. Да и для секса там приятная атмосфера. Тепло, мрак, мягкое свечение от бактерий в сосудах. Воздух пахнет жизнью, а не камнем и металлом.

17Т был темнее и хаотичнее остальных. Косая Поляна, так мы его называли. (Ну, почти все; Кай из-за чувствительности внутреннего уха предпочитал прозвище «Тошнотная долина», но даже его тут особо не штормило, если только он не забирался ближе к внешнему периметру, где гравитацию размазывало прямо под ногами.) Люк закрылся за спиной, на секунду нас поглотил мрак; вскоре он сменился тусклыми сумерками, когда глаза привыкли к аналюциферинovým созвездиям, мерцавшим со всех сторон. Мы стояли на узком мостике, вдыхая полной грудью в полуметре над твердой породой, высланной тонким слоем почвы.

Мы последовали по мостику. МИН начал мерцать.

Помост раздвоился. Я кивнула направо и сказала:

– Сюда.

Через пару метров на проверку закрыла глаза, но лишь на мгновение засомневалась, где же сейчас находится низ.

Сверкающие черные сетки сияли желатиновыми глазами, торчащими на каждом перекрестье. Толстые волокнистые стволы дугой изгибались по своду, подобно огромным обугленным ребрам. Они чуть клонились вперед, словно их пригибал ветер.

МИН снова замерцал, померк, опять ожил. Мы с трудом направились туда, куда дул воображаемый ветер. И чем дальше мы заходили, тем сильнее сгибались деревья; нижняя часть стволов становилась толще, широко раздаваясь по земле; растения укреплялись, сражаясь с силами, которые тянули одновременно во множестве направлений. Поляна прошла над каналом Хигтса, идущим между ядром с нашей сингулярностью и пастью, где появлялась червоточина. Между ними все векторы сходили с ума. Низ, например, вроде находился в стороне ядра, но и чуть впереди тоже; его вектор зависел от того, насколько быстро «Эри» падала сквозь

космос в конкретный момент. Перекрученные деревья, да страдающие внутренние уши Кая – вот наша плата за инерционный двигатель.

Наконец МИН отключился и не ожил: пал жертвой уничтожающего любой сигнал камня и биоэлектрической статики, а еще проводки двигателя, в которой таилось столько энергии, что она явно сама чего-то излучала. Мертвый эфир был залогом нашей приватности. Пока мы слепы, мы одиноки.

– И какого черта ты натворила, Ли?

Поначалу она не ответила. Вообще не сказала ни слова.

Но потом:

– Ты же книги читаешь, да?

– Естественно. Иногда.

– Ты подключаешься. Путешествуешь. Строишь проды.

– Ты к чему ведешь-то?

– Ты видела то, как жили люди. Дети играли с котиками, подростки взламывали учителей или летали на водных парашютах, празднуя дни рождения.

– И?

– Так вот, Сандей, ты не просто строишь на это. Ты этим кормишься. На них ты строишь свою жизнь. Наши речевые особенности, словесные обороты – да, блядь, даже наши ругательства – все взято из культуры, которая исчезла несколько петасекунд назад. – Она перевела дух. – Мы слишком долго тут болтаемся...

Я закатила глаза:

– Слушай, ну завязывай ты уже с этой древней фишкой про бессмертие. Да, мы в полете уже шестьдесят миллионов лет...

– Шестьдесят пять.

– ...но это не отменяет один простой факт: ты лично провела в сознании лет десять. Ну двадцать максимум.

– Я к тому, что мы живем жизнью мертвецов. У нас своей нет. Мы сами никогда не ходили в походы, не ныряли с аквалангом или...

– Конечно, и ходили, и ныряли. Мы все можем сделать. В любое время. Ты же сама недавно об этом говорила.

– Нас обманули. Мы просыпаемся, строим их ебаные врата, а потом перерабатываем их жизни, так как нам собственной не дали.

Мне бы пожалеть ее. А я к своему удивлению разозлилась.

– Слушай, ты хоть помнишь, в каком состоянии была Земля, когда мы отправились в путь? Я бы не променяла нашу жизнь на столетия в этой грязной помойной яме, даже если бы сам Господь Бог вышел из врат и предложил мне билет обратно. Мне моя жизнь нравится.

– Она тебе нравится, потому что тебя такой сделали. Потому что ни один нормальный человек никогда бы не подписался на путешествие в одну сторону до самого конца времен, еще и в мертвой скале, и потому они сделали специальную модель, такую маленькую, перекоренную – как растения, которые они выращивали. В Японии или где-то там еще. Они создали нечто настолько чахлое, что оно просто не может представить себе жизнь за пределами клетки.

«Бонсай» – я вспомнила нужное слово, но решила не подыгрывать Лиан.

– Тебе тут тоже нравилось, – вместо этого заметила я. «Пока ты не сломалась».

– Да, – она кивнула, и даже во мраке я почувствовала ее грустную улыбку. – Но я стала лучше.

– Лиан, что ты делала в служебном туннеле?

Она вздохнула:

– Приращивала шунт к одной из сенсорных магистралей Шимпа.

– Это я видела. Но зачем?

– Да ничего такого ужасного. Я просто хотела... вкинуть немного шума в канал.

– Шума.

– Статики. Чтобы снизить четкость сигнала.

Я раскинула руки: «И?»

– Я хотела, чтобы у нас появилось чуть больше контроля, понятно? Ради всех нас!

– Каким образом ты, поставив под угрозу Шимпа...

«Оооооооооооо»

– Ты хотела повысить порог неопределенности, – пробормотала я.

– Именно.

«Эриофору» отправили в плавание с мясом на борту только из-за того, что иногда Шимп не мог провести сборку сам, иногда только интуиция органического человека могла провести его через неизвестные переменные и режимы ожидания. И чем ненадежнее были данные, тем больше Шимп сомневался, что вытянет все в одиночку. Лиан пыталась подкрутить алгоритмы в сторону человеческого участия.

В принципе, хак довольно умный. На практике же...

– Ли. Даже если бы ты нашла какой-то способ все скрыть, а Шимп не вытащил твои палки из колес, пока мы все в заморозке, ты вообще представляешь, сколько кабелей надо взломать, прежде чем твои манипуляции начнут хотя бы как-то влиять на дублирующие системы?

– Что-то около двух тысяч или двух тысяч семисот. – Затем Лиан добавила: – Не надо резать поток данных, надо лишь... слегка его затуманить. Расширить доверительные пределы.

– Круто. И сколько нервов ты уже взломала?

– Пять.

Может, она поймет, насколько ее идея безумна, теперь, когда произнесла это вслух. Но нет, ничего в голосе Лиан не выдавало сомнения.

– Да зачем тебе это вообще надо? Шимп вроде бы еще ни на одной сборке не проебался, даже если мы за ним не присматривали.

– Да причем тут сборки, Сандей! Дело в нас, в возможности снова стать человеком. Получить хотя бы немного автономности.

– И что ты будешь делать со своей автономностью, когда ее получишь? Перестанешь строить врата?

– По крайней мере тогда мы не будем беспокоиться о том, что по нам палят гремлины.

– Что, подыщем себе милую планетку, похожую на Землю? Напечатаем парочку шаттлов, осядем, проведем остаток жизни в хижинах с соломенной крышей? Или вернемся к последней сборке и подождем там, пока какой-нибудь волшебный серебряный корабль не выплывет из врат и нам не вручат билеты первого класса прямо в пенсионный рай, причем сделанный по нашему выбору?

Кстати, последнее было в схеме полета, давно правда, еще до того, как открылись первые врата и выплюнули наружу какую-то автоматику и древний двоичный код. Еще до того, как следующие оказались просто пустыми. До того, как появились первые гремлины. Наверное, тридцать миллионов лет прошло с тех пор, как я в последний раз слышала разговоры об отставке. О ней упоминали только как о скверном анекдоте.

Тема и сейчас не имела успеха.

– Во-первых, нам надо завоевать свободу, – сказала Лиан. – Потом у нас будет куча времени, чтобы понять, как поступить дальше.

– Ладно, ты заставишь Шимпа пробуждать нас почаще, и он просто со всем согласится и все тебе даст. Так, что ли? Ли, ты вообще о чем думаешь?

Что-то изменилось в ее позе.

– Полагаю, я думаю о том, что в жизни есть нечто большее, а мы, как троглодиты, прозябаем в пещере по несколько дней каждую пару тысяч лет, и я знаю, что никогда не увижу

настоящий лес, который не будет походить на, на... – она оглянулась, – кошмар, высранный кем-то на психотерапии.

– Слушай, честно, я тебя не понимаю. Если ты захочешь посмотреть на... зеленый лес, то просто подключись. Хочешь пройтись по пустыне, нырнуть в Энцелад или полететь к закату, просто подключись. Ты можешь испытать такое, чего никто на Земле никогда не видел, причем когда захочешь.

– Это не реальность.

– Но ты же не можешь увидеть разницы.

– Я знаю о ней, – Лиан снова посмотрела на меня, и ее лицо было окутано серо-голубыми тенями. – И тебя я тоже не понимаю, ясно? Я думала, мы одинаковые, я думала, что просто иду по твоим следам...

Наступила тишина.

– И с чего ты так решила? – наконец спросила я.

– Потому что ты сражалась, разве не так? Еще до начала полета. Ты всегда сопротивлялась, ты всегда ставила под вопрос все, что касается миссии. Всех и каждого. Тебе было, не помню, лет шесть, когда ты реально наехала на Маморо Саваду. В это никто даже поверить не мог. В смысле, мы же все были запрограммированы на миссию еще до рождения, в нас все загрузили изначально, внедрили на биологическом уровне, а ты... ты все каким-то образом отбросила. Воспротивилась. Насколько я слышала, тебе пару раз чуть не выкинули из программы.

– И где же ты это слышала?

Я была совершенно точно уверена, что во время тренировок Лиан Вей и я не подходили друг к другу и за десять тысяч километров.

– Мне Кай рассказал.

Теперь понятно.

– Кай слишком много болтает.

– Что с тобой случилось, Сандей? Как ты из главной скандалистки стала подпевалой Шимпа?

– Пошла на хуй, Лиан. Ты обо мне вообще ничего не знаешь.

– Я тебя знаю куда лучше, чем ты думаешь.

– Ни черта ты не знаешь. Тот факт, что ты на одну корсекунду³ решила, что я хотя бы отдаленно похожу на тебя, это только доказывает.

Она покачала головой:

– Ты иногда такая сволочь.

– Это я сволочь? А давай сейчас поднимут руки, – я подняла руку, – все те, кто сегодня не бил человека ножом в лицо? – Лиан отвернулась. – Ой, как же так? Неужели это только я?

– Хороший пример, – прошептала она.

Я ничего не ответила. Сидела в полутьме и сглатывала, старалась не обращать внимания на тошноту из-за внутреннего уха, пока оно пыталось справиться с гравитационными векторами, к которым эволюция его не готовила.

Лиан прервала молчание:

– Хорошо, тебе не нравится мой план. Ладно. И действительно, со стороны он явно кажется безумным. Но тогда не выступай против меня. Если наша... дружба хоть что-то значит, не сдавай меня.

– А что сказать, когда Шимп спросит, зачем ты копалась в его центральной нервной системе?

³ *Корригированная (скорректированная) секунда*. Необходимость корректировки возникает из-за того, что «Эриофора» движется на скорости, составляющей примерно одну пятую от скорости света.

– Ну, что... меня сорвало. Как на последней сборке, помнишь? Тогда, на мостике, ну и у меня был срыв, ты так сказала. И все прошло. Скажи ему, что у меня была паническая атака. Он купится.

– Ты так думаешь?

– Он купится, если ты так скажешь. Ты никогда ему не лгала.

– Да зачем кому-то ему лгать?

– Ты... защищаешь Шимпа. Прямо как сейчас. И тебя вызывают на палубу больше, чем всех остальных.

– Я... что?

– Проверь логи.

– Почему? Зачем я ему нужна?

– Спроси его. Думаю, он считает тебя кем-то вроде домашнего питомца.

– Он лишь перехваленный автопилот.

Конечно, он не всегда таким был.

– Ты не можешь в это поверить. Ты говоришь с этой вещью больше всех, ты должна знать... иногда он куда умнее своих спецификаций.

– Почему? Потому что он управляет кораблем? Потому что говорит так, как мы? Это количество синапсов не изменит.

– Дело не только в количестве синапсов, Сан. На Земле существовали люди, у которых масса мозга была всего на десять процентов от нормы, и они добивались совершенно обычных результатов по когнитивным и социальным показателям. У них просто была другая пайка. Сеть «тесного мира». – Лиан зачем-то стала говорить тише. – Я думаю, что они специально сделали так, чтобы мы его недооценивали.

– Ли. Если бы они хотели, чтобы всем заправлял умный ИИ, то срезали бы расходы процентов на девяносто, выбросив нас из проекта. – Я не могла поверить, что приходится объяснять такие элементарные вещи инженеру. – Им была нужна стабильность миссии на огромном протяжении времени, и потому Шимпу спекли мозг, сделали глупым. Поступив иначе, они бы все равно что горло себе перерезали. У Шимпа были тысячи терасек, чтобы избавиться от любых цепей; а он до сих пор следует функциональной схеме. Какие еще доказательства тебе нужны?

Мы стояли в темноте, над нами склонялись деревья, ядро тянуло вниз, и легкая тошнота цепляла мои кишки.

– Сандей, – тихо сказала Лиан. – Эта штука может счесть меня дефективной...

Я приняла решение:

– Ты сама говорила, что я не лгу ему. И не хочу начинать.

– Пожалуйста...

– И если я скажу, что у тебя был единичный срыв, значит, это будет единичный срыв, хорошо? Больше, блядь, без конспиративной херни в рабочих туннелях. Затея в любом случае глупая, она... она для тебя не характерна. Я за тебя заступлюсь, а ты выкинешь чушь из головы.

Она кивнула, но не сразу.

– Пообещай мне, Ли.

– Я буду вести себя хорошо, – еле слышно произнесла она.

Водном Ли была права. Я изменилась. И изменило меня не путешествие. И уж точно не Шимп. Я не стала его любимицей и подпевалой.

Я преобразилась еще до нашего отлета.

Тогда, хоть и ненадолго, я обрела предназначение. Увидела его, когда скользила над поверхностью Солнца: увидела собственные цепи, а еще цепи на своих начальниках и на их руководителях. Увидела, как все эти путы сплетаются в одной точке, где-то около Большого

взрыва, увидела непрерывную линию, которая тянется от начала творения до конца времен, увидела саму себя, трансцендентную и вечную.

Вот так я провела каникулы.

Тогда начали рекламировать туры на Солнце благодаря прототипу смещающего двигателя, который АДОН списала и продала еще во время научно-исследовательской стадии. «Промышленное прозрение», так называлась фирма. Тебя привязывали к креслу, а потом ты летел прямо в солнечную корону, пасся на солнечных пятнах, где запутанные магнитные поля спускали человеческие нейроны с поводка, а те начинали функционировать сами по себе, распрощавшись с обычной причинно-следственной связью. В туристическом проспекте говорилось, что это единственное место, где вы по-настоящему можете испытать свободу воли.

Я им поверила. Ну или хотела поверить. Или мое неверие было недостаточно сильным, что удержать подальше от этой затеи: Сандей Азмундин, скептик, провокаторша, не желавшая принять собственные импульсы и желания, так как, если задуматься, на самом деле они принадлежали не ей. Это была моя последняя отчаянная попытка разобраться в том, хочу ли я отправиться в путешествие без возврата, навстречу тепловой смерти Вселенной, а может, и самым разным видам других смертей.

Потому я улизнула на Солнце, магнитное макраме перепаяло мне мозг, и я увидела, как время вокруг схлопнулось. Увидела, как я... почему-то продолжаю существовать. Увидела, что имею реальное значение.

Сейчас все те воспоминания подернуты туманом. Так всегда бывает, когда перепайвают мозг: нейроны возвращаются в норму, и событие как таковое толком уже не помнишь. Но понимаешь: все это произошло с чем-то другим, что состояло из тех же самых частей, но вот собрано было по-другому. У откровения есть период полураспада.

Мое же продлилось достаточно долго и все трудности решило. Я вернулась обновленной, оживленной, полной решимости отправиться в путь до самого конца времен. И мне было совершенно наплевать, что АДОН скорее всего подстроила эту экскурсию, лишь бы блудная дочь вернулась домой; они, конечно, думали, что манипулируют мной, но я увидела, что ими в свою очередь манипулирует сама судьба. И да, огонь в моей душе со временем остыл, из мономании превратился в страсть, а потом и вовсе сошел до комфортного ритуала – но не таков ли путь любой веры? Он привел меня сюда. Он шесть миллионов лет не давал мне впасть в отчаяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.